

ФЛАГИ НАД ВСХВ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 66 (3722)

Суббота, 1 июня 1957 г.

Цена 40 коп.

Завтра в четвертый раз будут поднят Государственный флаг СССР и флаги союзных республик, знаменующие открытие Всесоюзной сельскохозяйственной и Всесоюзной промышленной выставок.

Сказочные дворцы этого города-сада — в зелени парков. Завязью плодов покрылись яблони, груши, вишни, высаженные тогда-то вдоль аллей. Залетает на открытые поля осы. В цвету краснеют ягоды земляники. Журчат многочисленные фонтаны...

ВЕЛИЧИЕ ТЕХНИКИ Завтра, когда на открытые выставки придут экскурсанты из разных концов страны, многие, видимо, будут задавать вопрос: что здесь можно посмотреть нового? И, конечно, не могут не заметить появления в центре выставочного комплекса здания железнодорожной станции. На стальных путях стоит мощный тепловоз ТЭ-3, серийное производство которого освоено на Харьковском заводе. Рядом — электровоз, изготовленный в Новочеркасске. В этом году, как известно, в нашей стране сняты с производства паровозы. На смену им идет новая техника.

Чудеса современной советской техники будут представлены на выставке широко. Ведь год особенный — юбилейный. На примере пятидесяти тысяч экспонатов промышленной выставки можно проследить за нашим прогрессом в области техники за сорок лет Советской власти. Достаточно сказать, что из тысячи станков и машин половина показывается впервые. В прошлом году особой популярностью пользовалась павильон атомной энергии. Сейчас его экспонаты значительно пополнились. В центре зала очень эффектно представлена модель атома: наглядно демонстрируется, как вокруг ядра вращаются электроны. Тут же действующая модель атомного реактора. В павильоне показывается, в каких отраслях народного хозяйства уже применяется атомная энергия. На фотографии в одном из залов посетитель может посмотреть недавно введенный в действие мощный синхрофазотрон.

ОТРАДНЫЕ ИТОГИ В минувшем сельскохозяйственном году произойти немало знаменательных событий. Главное, что нашло широкое отражение на ВСХВ, — экономический рост наших колхозов и совхозов. Если два года назад участниками выставки были только отдельные передовики, отдельные хозяйства, то сейчас около пятидесяти республик, краев и областей целиком стали участниками выставки. Это они были удостоены высшей правительственной награды — ордена Ленина за освоение целины, за успехи в производстве хлеба или мяса или молока.

В прошлом году мы писали о том, как в одном из павильонов выставки встретились люди, проработавшие все лето лишь год на целинных землях. С какой гордостью они показывали привезенные в мешочках зерна пшеницы, выращенной на новых землях! А сейчас посетители павильона РСФСР увидят стенд, на котором нарисована девушка за рулем трактора. Рядом красочные цифры — Российская Федерация подняла за три года 14,9 миллиона гектаров целины. В 1953 году эти районы сдали государству 497 миллионов пудов хлеба, а спустя три года — 1223 миллиона пудов.

Отрадно, что дирекция выставки, в отличие от прошлых лет, быстро отражает в жизни колхозной деревни. В павильоне Центрально-черноземной полосы, например, подготовлен стенд, на котором боевым призывом звучат слова: колхоз имени Коминтерна Тамбовской области первым в стране поднял знамя борьбы за получение 100 центнеров зерна и 400 центнеров молока на сто гектаров земельных угодий. Рядом будут ежемесячно вписываться сведения, как колхоз выполняет свои обязательства.

На выставке будет показано, как труженики села борются за то, чтобы в ближайшие годы догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения.

Впервые в этом году будут проводиться специальные недели: цветов, фруктов, зерновых культур... Это своеобразная выставка на выставке. Тут могут выступать хозяйства, не являющиеся участниками ВСХВ. В течение недели представленные здесь экспонаты будут продаваться посетителям.

П. МАКРУШЕНКО

Перед закрытием...

★ На выставке изобразительного искусства. ★ Продолжаю встречи с артистами и писателями. ★ Успех оперного спектакля. ★ Заключительный вечер посвящается М. Джалилю.

Изобразительное искусство Татарии молодо. — Оно родилось в годы революции. Великий Октябрь смел жесткие традиции шарията, которые, в частности, строгаише запрещали татарам заниматься живописью и скульптурой.

Сейчас в Татарии работает большой отряд национальных художников — об их достижениях лучше всего рассказывает выставка, открывшаяся вчера в Академии художеств СССР. На ней представлено около семисот работ живописцев, графиков, скульпторов и около ста пятидесяти экспонатов декоративно-прикладного искусства. С жизнью республики знакомит посетителя полотно «Подписание декрета об образовании ТАССР» Х. Якупова и Л. Фаттахова. «Утро нефтяников» Татарини» М. Усманова. «На узловой станции» Н. Кузнецова. «Сабантуй» Л. Фаттахова и другие. Интересны работы театральных художников П. Сперанского, В. Никитина, Э. Гельмс. Значительное место отведено изделиям народных умельцев — на выставке представлены искусные образцы браслетов, колец и серег, шитых золотой и серебряной нитью, вышитые, обремененных национальным орнаментом драпировочных тканей...

Немаловажно дружеская, сердечная обстановка сопутствует продолжающимся встречам московских с мастерами искусств и писателями Татарии. Артисты Татарского академического театра име-

ни Камала приехали на днях в гости к рабочим Московского электромолочного завода. В Колонном зале Дома союзов состоялась встреча участников художественной самодеятельности с профессором активом столицы. Группа поэтов и прозаиков Татарии побывала в одном из подмосковных колхозов. В Большом зале Политехнического музея обширную аудиторию собрал вечер татарского юмора и сатиры.

С большим успехом прошло представление оперы Н. Жиганова «Джалиль». Зрители горячо приветствовали талантливых исполнителей Татарского театра оперы и балета. На спектакле присутствовали руководители Коммунистической партии и Советского правительства.

Вчера Театр оперы и балета имени Мусы Джалиля показал оперу «Алтынчеч» Н. Жиганова. В Татарском академическом театре имени Г. Камала шла «Голубая шаль» К. Тинчурина, в Казанском русском драматическом театре — «Юность Буревестника» М. Елизаровой.

В Союзе писателей СССР закончилось обсуждение татарской драматургии.

Сегодня в Концертном зале имени П. И. Чайковского состоится заключительный литературный вечер декады. Он целиком посвящается творчеству Мусы Джалиля.

СЕГОДНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Фотозем А. Липина

ДЕНЬ РЕБЕНКА

Сегодня — только день Ребенка, И мы, большие, не обманем Довыря нашей детворы.

А предостоят десятки лет Ребятам, что смеются звонко, Едва в окне забрезжит свет.

Они, проснувшись утром раним, Встают для радостной игры.

С. МАРШАК

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Всемерно помогать молодым журналам

На днях в комиссии по русской литературе Союза писателей прошло совещание редакторов межобластных журналов и руководителей областных и краевых писательских организаций. Присутствовавшие на совещании, в своем большинстве участники изданного III пленума правления Союза писателей СССР, обсудили четыре первые номера «Дона» (Ростов-на-Дону) и два номера «Подъема» (Воронеж). Состоялся интересный, предметный разговор, касавшийся наиболее важных проблем дальнейшего развития литературы в областях и краях Российской Федерации.

Ростовскому журналу были посвящены выступления писателей В. Полторацкого, А. Оленича-Гниенко, П. Сажина, А. Гарнакеряна и других. Уже с первых шагов «Дон» зарекомендовал себя как журнал, располагающийся большими возможностями, стремящийся идти по магистральному пути нашей советской литературы. Материалы его разнообразны, живо полны, хорошо оформлены. С благодарностью встретили читатели в первой книге рассказ М. Шолохова «Судьба человека». Обращают на себя внимание рассказы из времен революции на Дону Д. Петрова (Бирюка), воспоминания М. П. Чеховой об Антоне Павловиче Чехове, интересные заметки Ф. Тумилевича «Хранители песен казаков-некрасовцев». Ряд выступивших отметил самобытные стихотворные очерки А. Оленича-Гниенко «Путешествие в Придолье» и произведения поэтов А. Гарнакеряна и Н. Костарева. В свете решений только что прошедшего писательского пленума особую значимость приобретают опубликованные ранее в журнале литературно-критические статьи, в которых выражается принципиальный взгляд литературной общественности Дона на такие произведения, как роман В. Лудничева, рассказ А. Яшина «Рыцарь», статья А. Крона в «Литературной Москве».

Анализ конкретных произведений помог участникам совещания вскрыть и недостатки в деятельности молодого журнала. Еще слабо в «Доне» поставлена редактура, не чувствуется кропотливой творческой работы с каждым автором. Потому не стали постоянными значительными произведениями ми живо задуманные повесть молодого краснодарского прозаика В. Моисеева «Люди в горах», «Записки депутата» В. Колупоной, Петровского пошла дошла рожденья к стихам А. Рогачева и Л. Шемшелева. Безынтересно ведется в журнале отдел очерков. Больше можно было ожидать от зарубежных заметок М. Соколова и П. Никитина. «Дон» еще не выработал твердых принципов взаимоотношений с авторами из других областей страны. Статья москвича А. Волкова о деятельности А. М. Горького в первые революционные годы написана, по мнению В. Полторацкого, на низком уровне, содержит досадные ошибки. Ничего нового не вносит в наше представление о замечательном публицисте-большевике статья В. Беляева «Слово о Галеве».

К сожалению, менее обстоятельным было между тем как раз «Подъему» сейчас особенно нужен и помощь и внимание. В. Васильев справедливо отметил достоинства ряда рассказов и литературно-критических статей, повести В. Петрова и исторической хроники Н. Задонского. К. Мурзики отрицательно отозвался о большинстве стихов, напечатанных в «Подъеме». На задачах литературно-критического отдела остановился А. Деметрев.

Всемерно улучшение новых межобластных журналов — вот одна из самых насущных задач писательских организаций центрально-черноземной полосы и юга России. Большой поддержки вправе требовать они и от правления Союза писателей и от местных руководящих организаций. Молодые журналы должны встать — они вступают — в первый ряд нашей журналистики, нашей литературы. Этой миссии должны проникнуть выступления редакторов «Дона» и «Подъема» — М. Соколова и М. Подобаева, «Сибирским огнем» и деятельности писателей-сибиряков посвятил свое выступление С. Кожеников. О литературной жизни в Иваново и Иркутске рассказали М. Шошин и И. Молчанов. Оба они, как и выступивший С. Сартанов, остановились на деятельности местных альманахов. Общие итоги совещания подвел секретарь правления Союза писателей Г. Марков.

Обсуждение татарской поэзии

Открывая 29 мая двухдневное обсуждение татарской поэзии, М. Луконин сказал: «Встречи поэтов на декадах национальных литератур в Москве имеют хорошую традицию — быть деловыми и потому полезными. Надо надеяться, что наша встреча не будет в этом смысле исключением».

Оправдалась ли эта надежда? Обсуждение было, безусловно, полезным, но в то же время, после многочисленных выступлений и бурных споров, осталось чувство неудовлетворенности.

Первым в прениях выступил Л. Мартынов. Он подробно говорил о произведениях Э. Давыдова, Х. Камала и Т. Ян, а также затронул большой общий вопрос о традициях и новаторстве в современной татарской поэзии. Но лишь затронул. Это выступление оказалось типичным — многие ораторы придерживались такой же «методики», что и Л. Мартынов: с кинжол в руках они анализировали стихи, отдельные строфы и строки того или иного поэта и бегло, мимоходом касались общих проблем развития современной татарской поэзии. Причем и В. Журавлев, анализировавший подготовленные к декаде сборники нескольких татарских поэтов, и А. Кронгауз, посвятивший большую часть своего выступления сатирическим стихам А. Исхака и С. Батталла, и А. Жаров, стремившийся «показать, какие разношерстные поэты С. Хаким и А. Исхак, и В. Звигунцева, интересно характеризовавшая творческую манеру С. Батталла, — все они превалировали свои речи заявлениями, что именно такой конкретности можно наилучше помочь татарским литераторам, что именно в этом должен проявляться деловой характер обсуждения.

Во многом такой разговор действительно полезен. Разве не полезно молодому поэту Х. Камалу послушать квалифицированные советы — какие переводы надо и какие не надо авторизовать, и почему? Разве не извлечет пользы А. Исхак из замечаний А. Жарова, который убедительно проанализировал строфику нескольких его стихотворений, показав, что хорошо, а что неудачно? С. Липкин изложил и обосновал свой взгляд на подготовленную к декаде «Антологию татарской поэзии». Ее, по мнению оратора и многих присоединившихся к нему, надо доработать, типетические отредактировать и выпустить в Москве гораздо большим тиражом. Безусловно, много полезного почерпнул для себя М. Львов, Р. Моран, Н. Сидоренко, Б. Дубровин и другие русские поэты-переводчики, чья работа, при общей положительной оценке, тщательно, тоже по строчкам, анализировалась на обсуждениях.

Словом, «конкретность» на литературных обсуждениях очень нужна, без нее не может быть делового, профессионального разговора. И все же именно преобладание «конкретности» было существенной слабостью данного обсуждения. Зачастую, пере-

ходя какую-то невидимую грань, обсуждение поэзии, теряя широту и перспективность, превращалось в утомительное комментирование отдельных стихов и строк какого-либо поэта. Большие вопросы, касающиеся путей развития татарской и всей советской поэзии, общепитересные мысли о нашей лирике, о развитии эпической поэмы и т. п. — все это всплывало, но чаще всего не разгоралось в пламя подробного аргументированного разговора, а гасло под грузом частных наблюдений, сообщений о том, что «вот это мне нравится», а «это мне не нравится».

Выступавшие часто вспоминали классиков татарской поэзии и более всего Г. Тукая и Х. Тагташа. Но воспоминания эти, к сожалению, шли по рутине эмпирических сопоставлений, частных замечаний, хотя среди них были интересные. П. Антокольский, например, подчеркивал общность сатиры Тукая с сатирой периода первой русской революции в разных национальных литературах. И он, конечно, был прав, когда предлагал литераторам сопоставить творчество Тукая, скажем, с творчеством его замечательного современника азербайджанца Сабера: такое синтетическое изучение может привести к важным выводам.

Говоря о советской татарской поэзии, П. Антокольский напомнил, что она всегда стояла на линии огня. — Это поэзия боевая, солдатская, поэзия ярко выраженной гражданской направленности. И современные татарские поэты берутся за острее больше темы жизни. Это не значит, конечно, что надо противопоставлять «интимную» лирику «гражданской», как раз единством общего и личного, слитностью того, что происходит в сердце поэта, и того, что происходит в стране, сильна поэзия Татарии. — таково было общее мнение выступивших.

За пределы частных замечаний и оценок стремился выйти С. Баттал, Г. Левин, А. Марков. Литературвед Э. Наджин отметил, что история татарской литературы, богатое фольклорное наследие татарского народа изучаются слабо, в периодической печати можно встретить путанное, противоречивое освещение прошлого. Указав на недостатки издательского дела в республике и необходимость переработки существующего татарского алфавита, оратор перешел к оценке переводов с татарского на русский язык. По мнению Э. Наджина, сейчас существует средняя линия, к которой иные переводчики подтягивают плохие произведения национальных писателей и до которой опускают хорошие. Надо готовить кадры переводчиков из людей, знающих язык оригинала, в частности из студентов и аспирантов вузов. Этому делу своей любовной поддержкой, своими советами должны помочь профессиональные поэты и переводчики. М. Максудов, также

обстоятельно говоривший о переводах, предложил, чтобы переводы национальных писателей на русский язык обсуждались в республиках.

Участники прений чувствовали некоторую усталость происходящего разговора о татарской поэзии и справедливо объясняли это недостатками организации обсуждения. Действительно, о трех-четырёх сборниках речь шла всесторонняя, а о творчестве таких, например, поэтов, как Х. Туфан, А. Фаиз, Ш. Мансур, М. Садри, Ш. Мурадис, Э. Нури, не было сказано ни слова. Г. Хузеев резонно заметил, что при таком сужившемся взгляде нельзя составить себе сколько-нибудь полное представление о современном положении в татарской поэзии. В частности, для разговора о героической гражданской линии татарской поэзии надо было бы привлечь гораздо больше произведений, чем это было сделано. Таких произведений много.

Следует отметить, что уже не первый раз на декадах национальных литератур поднимается вопрос о недостаточной подготовленности обсуждений в Союзе писателей. Получая за несколько дней до заседания одну-две книги, московские литераторы, естественно, не могут выработать какой-то общий взгляд на данную национальную литературу, если только они не интересуются ею постоянно. А при отсутствии такого взгляда масштабность и глубина разговора значительно уменьшаются. Не пора ли все-таки подумать о том, как улучшить подготовку к обсуждениям?

Некоторые выступавшие на обсуждениях товарищи упрекали Союз писателей СССР, его печатные органы, в частности «Литературную газету», в том, что они все еще мало занимают татарской и другими братскими литературами.

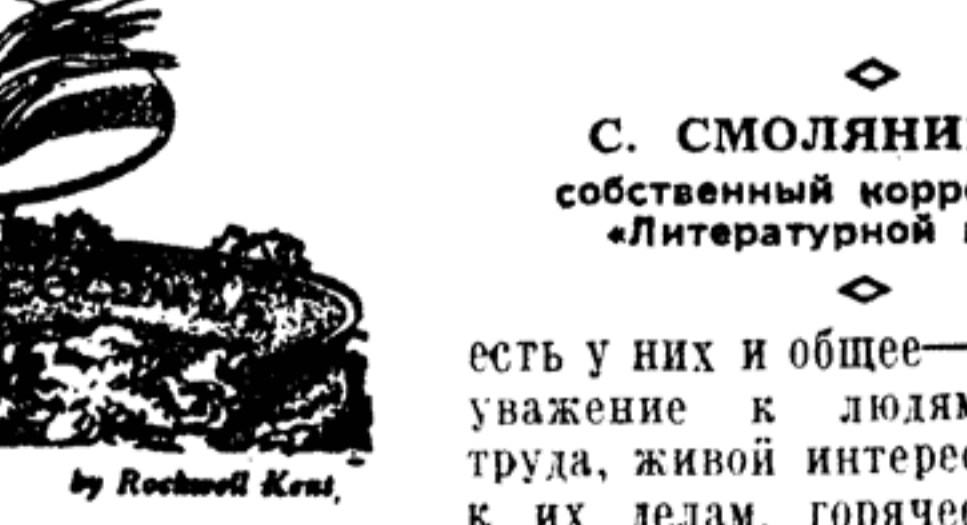
Всего на обсуждениях татарской поэзии выступило 22 литератора, среди них — Ш. Мударрис, А. Исхак, М. Светлов, Л. Юдкович, С. Куличкин-Эляй (Якутия), М. Львов, Х. Усманов, А. Абдуллин, М. Хусанин.

Итоги обсуждения подвел председательствовавший М. Луконин.

— Сейчас перед нами, советскими поэтами, — сказал он, — стоит задача резко повысить мастерство, расширить размах нашей поэзии. На недавнем пленуме правления Союза писателей СССР было правильно подчеркнуто, что нам нельзя, никак нельзя ослабить гражданскую, патристическую линию советской литературы. Нам нужна большая и разнообразная, страстная, партийная поэзия. Советские поэты должны владеть всеми богатствами поэтических средств, искать яркие образы, совершенствовать язык и ритмы, быть во всеоружии поэтического мастерства.

Всего этого и хочется пожелать сильноному отряду многонациональной советской поэзии — поэтам Татарии.

«Английский клуб, село Баган, Сибирь, СССР...»

С. СМОЛЯНИККИ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

есть у них и общее — уважение к людям труда, живой интерес к их делам, горячее сочувствие движению за мир. И когда незаметно для них самих небольшая школьная кружка английского языка выросла в клуб, друзьями которого стали выдающиеся борцы за мир, ребята это не удивило. Между тем эту их работу президент Американского русского института профессор Холланд Робертс в одном из своих писем оценил как выдающуюся. А недавно профессор сообщил баганским школьникам, что высылал им морской почтой значки, которыми в Америке награждают выдающихся деятелей движения за мир. «Мы надеемся, — пишет Холланд Робертс, — что вы примете их как символ наших общих интересов в борьбе за мир»...

Баган — сибирское село в Бузулундской степи, с одноэтажными и двухэтажными большими домами. Здесь есть свой Дом культуры, отделение Сельхозбанка, кирпичный заводик и, самое главное, элеватор, откуда хлеб перегружают в железнодорожные составы.

Сразу же за окраиной села начинается степь. Зимой, когда поля и дороги тонут в снегах, кажется, что жизнь здесь замерла. Но весной и особенно в уборочную эти просторы оживают, оглашаются не смолкающим даже ночью шумом тракторов и комбайнов. Потоки тяжело груженных машин везут зерно на элеватор...

Когда наш поезд остановился возле стационарного здания с надписью «Баган», я сразу увидел на платформе группу ребят. Это и были члены английского клуба.

Но дороге в школу ребята рассказывали о своем клубе. Вали Дёрова, десятиклассница, предпринятая называть себя старостой совета клуба, а не президентом, как ее именуют в письмах американские друзья, говорит спокойно и рассудительно: — Вся деятельность (она так и сказала: деятельность) клуба руководит совет из семи человек. У нас очень много работы. Мы поддерживаем международные связи, общаемся с Американско-русским институтом в Сан-Франциско книгами,

песнями, памятными подарками; готовим вечера. На заседаниях клуба читаем письма, обсуждаем ответы, слушаем песни, которые нам присылают, принимаем новых членов...

— А газета? Забыла?

— Просто не успела еще об этом сказать, — неторопливо отвечает Вали. — Мы выпускаем две еженедельные газеты на английском языке — «Наш голос» и сатирическое приложение «Крокодил».

Мы подошли к школе. Как и предполагается, она занимает «командную высоту». Это — солидное двухэтажное здание с просторным двором.

Учитель английского языка — один из организаторов клуба — Матвей Карлович Плоткин встречает нас на пороге учительской. Из-под толстых стекол очков приветливо шуршат глаза.

— Ну вот и оглянуто, что приехали, — говорит он. — Поидемте в наш кабинет. Там и поговорим. Хотя, наверно, вы уже все знаете, — улыбается он, поглядывая на ребят.

— Ну нет, далеко не все, — серьезно отвечает Вали, — и потом надо показать наш архив, наши книги...

Меня принимают в просторном кабинете иностранных языков, где обычно проходят заседания клуба. На большом стекле «Америка-Баган» развешены флаги 23 стран. И эта праздничность — не декорация, не «случай». На стене «Америка — Баган» вывешены свои материалы: письма из Америки и ВВСА, газета «Фестиваль» на русском и английском языках, «Советский сибирский язык» на английском языке, издающийся нашим

посольством в Лондоне. А на другой витрине с надписью «От наших дорогих друзей» выставлены книги, недавно присланные Американско-русским институтом.

Витрины время от времени обновляются: ведь в адрес клуба поступают все новые и новые материалы. Неизменной остается только одна полка, посвященная Полю Робсону. Это, вероятно, единственная в мире выставка такого рода, — любознательно и тщательно здесь собрано почти все, что было в наших газетах о знаменитом американце...

С вечера, посвященного Робсону, все, собственно, и началось. Впрочем, нет, начало было положено раньше, но тогда, на этом вечере, и ребята и учителя почувствовали: работа их получила какую-то более далекую перспективу, словно вдруг расширилось поле зрения, и все, что было сделано, показалось более важным, значительным.

Десятиклассник Александр Недоевский рассказал о героической жизни Робсона, о его замечательном искусстве, об истории в Никкиале. И когда после этой необычной лекции Вера Алеяничкова прочла «Блак энд уайт» Маяковского, — зал разразился аплодисментами.

Конечно, далеко не все присутствовавшие знали английский язык, но все же зал погнался гонимую «Песнь к британцам» Шелли. А после первого куплета «Гимна демократической молодежи» (хор начал его на английском) принев похвтались весь зал...

В тот уже пора расходиться. Но вдруг один из членов клуба сказал: а что, если послать письмо Полю Робсону? Разумеется, предложение было встречено с энту-

Юноши и девушки, которые учатся в баганской средней школе, мечтают о разных дорогах и разных профессиях. Но

знанием. В письме школьники рассказали Полю Робсону о глубоком уважении к нему, его деятельности и искусству, описали прошедший вечер и просили его рассказать о планах на будущее. Когда письмо было готово и каллиграфическим почерком переписано, кто-то неуверенно произнес:

— Это очень здорово, что он получит наше письмо. Но вот ответит ли он? Робсон человек выдающийся, ему пишут тысячи людей, а мы всего-навсего Баган — такая-то сибирская железнодорожная станция...

Голос разделился. Но спора все же не получилось — даже самые задалые pessimисты втайне дежали на десуду: ответит!

Потом жизнь потекла своим чередом. Ребята начали готовить вечер «За мир», подбирали материал о Джеке Лондоне. Но, конечно, все ждали ответа, и каждое письмо брали в руки с особенным волнением. И однажды, вскрыв конверт с адресом: Баганский английский клуб, село Баган, Сибирь, СССР, — ребята увидели под письмом подпись Поля Робсона.

«Дорогие друзья!» — писал он.

Я недавно получал ваше письмо и был глубоко польщен той честью, которую оказали мне ваш кружок, посвятив свой вечер обсуждению моей жизни и деятельности...»

Полю Робсон рассказывал о своих планах, о своей борьбе за право выступать вне пределов США, а заканчивалось письмо так:

(Окончание на 2-й стр.)

ДЕТИ МИРА

Ф. ВИДОРОВА

* Иранка Лия очень дружна с испанцем Пабло. * Газета почти готова, но пусть все-таки учитель А. Лагос посмотрит: а нет ли в ней орфографических ошибок. * Кто до названия, то как же может называться газета в этом доме? — Конечно, «Дружба». * Подруги скоро расстанутся: Лия едет в Корею, Исабель — в Испанию. Но не будем грустить — ведь когда-нибудь непременно встретимся...

* Иранка Лия очень дружна с испанцем Пабло. * Газета почти готова, но пусть все-таки учитель А. Лагос посмотрит: а нет ли в ней орфографических ошибок. * Кто до названия, то как же может называться газета в этом доме? — Конечно, «Дружба». * Подруги скоро расстанутся: Лия едет в Корею, Исабель — в Испанию. Но не будем грустить — ведь когда-нибудь непременно встретимся...

У ПИСАТЕЛЕЙ БЕЛОРУССИИ

В Минске состоялось открытое партийное собрание писателей, на котором П. Бровка выступил с докладом об итогах III пленума правления Союза писателей СССР и задачах белорусской писательской организации в связи с подготовкой к 40-летию Великого Октября.

Все мы, участники пленума, — сказал докладчик, — чувствовали моральную ответственность за судьбы нашей многонациональной литературы. Впервые представители союзных республик говорили об всей большой советской литературе так широко, глубоко, так озабоченно и заинтересованно.

Говоря о необходимости глубокого и смелого проникновения писателей в действительность, П. Бровка заявил: — Есть смелость революционная, та смелость, благодаря которой совершилась Октябрьская социалистическая революция, успешно претворенная в жизнь пятилетние планы, завоевана победа в Великой Отечественной войне, осуществлено наступление на целину, смелость, благодаря которой достигаются все наши успехи в борьбе за коммунизм, и есть смелость мнимая, расшатывающая и отрицающая все созданное, все завоеванное нами и нашими отцами. Нам нужна смелость революционная, созидательная!

Неправильно думают те, — сказал он, — кто считает жанр сатиры отжившим. В советской литературе было, есть и будет место для сатиры. Дело не в жанре. И сатирическое и несатирическое произведение может в равной степени или проиграть или мешать коммунистическому строительству. Все зависит от позиции автора. Главное, чтобы в произведении чувствовалась положительная идеология писателя.

Непросто было бы каждому из нас, — заявил М. Танк, — если бы советская литература в этот ответственный момент когда-то не сплелась с нашими прозаиками за рубежом, оставалась на оборонительных позициях. Пленум правления Союза писателей СССР показал, что советская литература непоколебимо сильна и самостоятельна, независимо от позиции писателя, независимо от методов реализма, сильна тем, что она многонациональна и едина в своей многонациональности.

Народный художник БССР З. Азур рассказал о том, как тепло и сердечно принимали руководители Коммунистической партии и Советского правительства писателей, художников и композиторов на правительственном даче под Москвой.

В предвечерние часы также А. Зарипкич и молодой писатель из Гродно А. Карпюк, говорящий о неприятии Союза писателей БССР к литераторам, живущим на периферии.

Партийное собрание единодушно одобрило решения III пленума правления Союза писателей СССР, направленные на дальнейшее укрепление единства писательских рядов, консолидацию их на принципиальных позициях в борьбе против всяческих проявлений вражеской идеологии, против нападок на единство методов — правильный метод советской литературы — метод социалистического реализма, против проявления нигилизма, критиканства, беспринципной групповщины.

Общее открытое партийное собрание, говорится далее в резолюции, от имени всех писателей республики заявляет, что белорусская писательская организация была и остается в своей творческой деятельности верной методу социалистического реализма, ленинскому принципу партийности литературы. Мы были и всегда будем преданными слугами своего народа. Мы гордимся тем, что всей нашей деятельностью руководит мудрая Коммунистическая партия Советского Союза — вождь и организатор всех наших побед. Готовая к 40-летию Великого Октября, мы приложим все силы и способности, чтобы встретить это историческое празднество новыми произведениями, посвященными героизму нашего народа в борьбе и труде, произведениями активно служащими благородной цели — построению коммунистического общества.

МИНСК. (Наш корресп.)

Погода

— Начавшаяся в этом году дружная весна порадовала жителей, теплыми днями, сказал наш корреспондент заведующий отделом агрометеорологических прогнозов Центрального института прогнозов А. Проценко. — Хорошая погода значительно ускорила развитие растительности. Уже в конце апреля засеяны поля и луга, а в середине мая оделись в пышные наряды лиственные деревья, не остав от них и дуб. Рано отцвели и дружные деревья. На поля и огороды высаны семена и рассада овощных культур.

Однако наступившее около 25 мая резкое и устойчивое похолодание (оно распространялось на всю европейскую часть территории СССР) несколько затормозило бурный рост и цветение растительности, а в некоторых северозападных областях пагубно сказалось на росте теплолюбивых культур.

На Украине и на западе центральных черноземных областей прошли обильные дожди, создавшие благоприятные условия для будущего урожая.

На территории Белоруссии, в центральной ее части, погода наступила несколько сырая, но на юге Украины и Северного Казахстана уже похолодает. В Казахстане в конце мая ожидается обильные дожди.

— В середине мая в Западной Сибири было прохладно, тогда погода наступила только в последние дни и создала благоприятные условия для сева яровых. В Казахстане все время было тепло. Во второй половине июня здесь ожидается обильные дожди.

— Прогнозы на ближнюю перспективу.

— Прогнозная погода, по-видимому, сохранится и в первых числах июня, — сообщил А. Проценко. — Похолодание предполагается к концу первой половины месяца. В конце июня наступит жаркая погода с обычными для этого времени осадками.

НАВСТРЕЧУ VI ВСЕМИРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ

МОЛОДОСТЬ НАРОДА

В один из последних дней мая в столице Таджикистана Ташкенте прозвучат под звуки национальных инструментов — труб и бубнов. Молодые народные музыканты — гитаристы, гитаристы — оповещают столицу республики о начале фестиваля.

И вот на три дня Ташкент превратился в город фестивалей. Свои достижения показывали музыкальные ансамбли и хоры, коллективы танцевальных групп и солисты-вокалисты, артисты цирка и мастера художественного чтения.

Как и все народы нашей необъятной Родины, узбеки издавна славились своим талантом и талантами. В этом мы могли еще раз убедиться, слушая молодых певцов, любящих танцами юношей и девушек, знакомясь с новыми музыкальными коллективами.

На фестивале в Ташкенте было много незабываемого. Кумановский народный ансамбль, скверов и парков, иллюминированные балы, массовые выступления молодых спортсменов на центральном стадионе «Пахтакор»...

Но главным, на мой взгляд, было то, что фестивалю раскрыл сотни ярких талантов. Не только отдельные исполнители, но и целые коллективы показали себя мастерами, а не случайно, например, ансамбль «Юность» завоевал любовь и уважение многих тысяч зрителей.

Юристы фестивального конкурса присудили десяткам музыкальных, хоровых и танцевальных коллективов, сотням солистов дипломы лауреатов. Эти молодые люди — рабочие и колхозники, воины и служащие, студенты и школьники. Часть из них будет участниками VI Всемирного фестиваля в Москве.

Характерно, что на фестивале, этом традиционном празднике мира и дружбы, звучали не только узбекские, но и русские и индийские, украинские и корейские, таджикские и китайские, казахские и индонезийские песни и танцы...

Всех очаровала своим мастерством молодая певица К. Джалилова. Она исполнила несколько афганских песен, которым ее научил афганский композитор и певец Хиял, находившийся в дни фестиваля в гостях у узбекских артистов. Хиял в свою очередь спел узбекскую народную песню «Красавица».

Нашим поэтам удается находить хорошую песню крылатой птицы. Она полетит из города в город, из кишлака в кишлак, станет достоянием народа. Так случилось с многими фестивальными песнями. Они поются не только в Ташкенте, Самарканде, но и в долинах, горах, кишлаках, на зеленых пастбищах. Скоро они прозвучат на площадях и в концертных залах Москвы.

Узбекский фестиваль ознаменовался еще одним радостным событием: всенародный литературный конкурс дал обильный урожай. Поступило более 300 стихотворений, текстов песен, рассказов и одноактных пьес. Лучшим из них присуждены премии, они вошли в фестивальную программу. Литературная молодежь древней Бухары издала сборник «Бухара поет», включив в него произведения местных молодых поэтов и писателей.

Республиканский фестиваль окончен. Но он надолго запомнится как яркое свидетельство расцвета молодого искусства счастливого народа.

Хамид ГУЛЯМ

* Читая это письмо и радостно, и горько. Радостно — потому, что это письмо от мамы, горько — потому, что все трое — маленькая Галина и ее братья — в разлуке с матерью: она — в одной из тюрем Греции. Фотоснимок А. Ляпина

ВЫ открываете дверь в престорную комнату с большими светлыми окнами, и со всех сторон к вам бегут дети. Каждый держит в руках крошечный стул: — Садитесь! Садитесь!

Напор гостеприимства так велик, что, поколебавшись, вы все же садитесь на этот стул, который вприору скорее кукле, нежели человеку. Слезть вам? Прочитать стихи? Показывать рисунки? Здесь никто не стесняется, здесь каждый хочет показать свой талант и здесь не умеют завидовать: когда поет один, остальные глядят торжествующе: вот как у нас!

И когда вы листаете папку с рисунками, все объясняют хором: — Это елка! Шахмур рисовал! Это дом! Кимил рисовал!

— А что тут за голубые полоски? — Да ведь это снег! — отвечает вам, и в голосах, на лицах — недоумение: как же не понять такой простой вещи? Хорошо с этими детьми, среди самого веселого на свете племени в возрасте от двух до пяти. И трудно поверить, что у каждого из этих ребят за плечами — разлука и горе. Не многие помнят о нем, но многие понимают глубину потери, редкий малыш глядит замкнuto или хмуро. Но есть ребята постарше — у них память о потере жива и остра, и касаться ее нельзя.

...Почти двадцать пять лет тому назад в городе Иваново — мысль эту похвалил ивановские старые большевики — был построен интернациональный детский дом для детей зарубежных стран, для детей, отцы которых посвятили себя революционной борьбе.

В альбоме сохранился снимок: на закладке дома. Среди тех, кто кладет первый кирпич, — Анри Барбюс. Другой снимок: окно вагона, детские лица, то открытые, улыбающиеся, то хмурные и печальные, — дети революционеров зарубежных стран прибыли в Иваново. Это первые жители дома, первые его питомцы. И с тех пор не иссякает источник: дети всех национальностей переезжали здесь, дети, ненадолго разлученные с родителями, и дети, потерявшие их навсегда.

Много прокатилось по миру войн, востановили, и всякий раз трагическая война прибавила к этому дому новых детей. Семилетний Фарари родился в иранской тюрьме... У итальянца Альдо убили отца... Погибла мать Агния Сидериса — греческая патриотка Электра, погибла страшная, мученической смертью — после долгих пыток она была выброшена из огня и разбилась... Отца одного из детей палачи впустили на растерзание псам...

В кармашке фарука у четырехлетней Галины открытка, на которой нарисована крохотная девочка с голубыми колокольчиками: «В том большом доме, где я живу, нет ничего, что я могла бы послать тебе в подарок, дорогая Галина. Так пусть же эта девочка принесет тебе мой поцелуй». Эта открытка пришла из Афин, она написана в камере женской тюрьмы.

Нельзя придумать в этот дом таких писем со всех концов земли — писем из изгнания, из тюрьмы. Это письма от матерей и отцов, письма от самой трудной из разлуки — о разлуке с детьми. «Дорогой сынок! Когда ты не получаешь моих писем, не скучай. Я не всегда могу тебе написать, но я все время, все время помню тебя. Ты счастлива, тебя любят, о тебе заботятся, но когда-нибудь ты придешь на свою родину, потому что родной язык, не забывай его. Я часто вижу тебя во сне, просыпаясь, иду, а тебя нет. Но я верю, что придет день, и мы снова будем вместе — ты, папа и я. Привет твоим товарищам и учителям. Моя благодарность им».

Материнская боль и материнское горе не нуждаются в переводчиках, они те же во всех краях земли, на всех широтах и во всех странах. И слезы по убитому, тревога за живого повсюду одни. «Она целый год не улыбалась», — сказал мне учитель

об одной девочке. «Среди самой веселой игры он вдруг может заплакать», — сказали о другом.

В этом доме много душевных сил было потрачено на то, чтобы вернуть детство ребенку, который видел смерть своих близких, видел, как горел его дом, как погибла под рухнувшей крышей его мать. Не просто вернуть покой детям, которые без страха не могли видеть даже мирный огонь в печи, — он напоминал им другой огонь, пламя пожаров, погубившее дом и семью. Поднять на ноги иной раз оказывалось легче, чем вызвать на лице улыбку.

Трудно рассказывать о хорошем. Оно всегда сложнее, а главное, сокровеннее плохого. И чтобы по-настоящему вынуть из жизнь детского дома, — не день, не два надо там прожить. Верно, есть свое трудное и нерешенное и здесь, в Ивановском интернациональном детском доме, — хорошее никогда не достается легко, оно стоит труда, бессонных ночей, огромного напряжения. И все же, пробыв тут несколько, поговорив с ребятами, почтяв письма, которые приходят от бывших воспитанников, начинаешь и сам проникаться этой жизнью — трудовой, разумной, веселой.

Да, здесь много и хорошо трудятся. У ребят толковые руки, они работают в своих мастерских и все, что можно, по дому делают сами — ремонтируют мебель, мастерят игрушки для малышей, уже с третьего класса шьют себе одежду. Черенки в лопатах, ящики для рассады — все это сделано их руками. В доме есть постоянная выставка лучших работ — тут и шахматный столик, и кукольный диван, и лучшие в доме шезлонги для плятья пятиклассника Яниса, и лучшая рубашка для пятиклассника Париса, и самые лучшие горшки — их сделал мальчик Хармузис. Летом ребята работают в саду, в огороде, выезжают в колхоз на уборку.

* То, что кажется инструктору по труду Константиному Васильевичу Рыженкову очень простым и ясным, девятиклассник Кучука явно осоздало и такто ловко подчинил себе токарный станок.

— Наши ребята никакого труда не боятся, ими в колхозе всегда довольны, — со спокойной гордостью говорит учитель.

Дети учатся в школе, которая стоит неподалеку от дома, и тут тоже обо многом можно рассказать: испанец Сантьяго недавно еще не знал ни слова по-русски, в прошлом году он сделал в диктанте пятьдесят семь ошибок, а этой весной переведен в седьмой класс без переклассовки по русскому языку. Мы читали его сочинение, в нем описывается футбольное состязание. Задача была — придумать как можно больше названий предложений. Мы можем засвидетельствовать: сочинение написано очень грамотно, и в нем, действительно, много названий предложений (удар! еще удар! гол!!!).

Да, о многом хочется рассказать, побывав в этом доме. Но что особенно ошутимо в воздухе, которым дышат эти ребята? В чем смысл и душа этого дома, этой жизни? В 1916 году, в разгар первой мировой войны, Горький обратился к Ромулю Роллану с просьбой создать для детей биографию Бетховена. Тогда же он хотел просить Герберта Уэллса рассказать детям о жизни Эдисона, Фитцефа Хансена — о великом жизненном подвиге Христора Кольба. С помощью лучших современных художников Горький мечтал создать для детей книги, содержание биографии великих людей всего мира.

«Вы сами прекрасно знаете, что никто так не нуждается в нашем внимании в эти дни, как дети», — писал он. ...Эта неделя война — блестящее доказательство нашей моральной слабости, упадка культуры. Напомню же детям, что люди не всегда были так слабы и дужны, как — увы! — мы теперь; напомним им, что у всех народов были — и есть сейчас — великие люди, благородные сердца! Это необходимо сделать именно в эти дни победоносной жестокости и завистли!»

В ту пору, когда самой насущной заботой было уберечь ребенка от пули, голода, болезни, великий писатель-гуманист с такой же страстью думал и о духовном здоровье нового поколения, о том, чтобы сохранить и уберечь человеческое в человеке.

веке. Он думал о том, как растут завтрашние творцы жизни, что составляет их духовную плоть. Потому что, если из детской души вытравляют все человеческое, — это ли не убийство? Если ты лишен чести, достоинства, если ненавидишь все светлое и высокое и поклоняешься низкому, подлому, — какой же ты человек? Что дашь людям, чем послужишь им?

Мысль, тревожащая Горького, и сейчас тревожит лучших людей земли, тревожит всех, кто думает о настоящем и будущем. Повсюду, где речь заходит о ребенке, его будущем, неотвратимо встает вопрос о том, каким растет новое поколение. На конференциях в защиту детей, учителей, общественных деятелей говорят о здравоохранении, об асептировании на больницах, яслях, детских садах, но с той же тревогой, с тем же волнением говорят о грозящей опасности, ведущей к новой войне, — о пропаганде расизма, насилие и войны. Пропаганда эта существует во многих странах — и в школе, и в литературе, и в кинофильмах. Матери и воспитатели понимают, что эта баццала не менее страшна и смертопсна.

По справедливому слову Анны Зегерс, нет лжи более подлой, чем та, которую преподает детям. Так же, как легче убить ребенка, нежели взрослого, ибо ребенок не умеет сопротивляться, так же легче убить его духовно — он в одно и то же время благодарно воспринимчив и беззащитен. И те первые впечатления и мысли, которые он вынесет из первых услышанных им слов учителя, из первой прочитанной книги, из первого стихотворения и первого увиденного фильма, оставят глубокий, прочный след на всю жизнь, навсегда отпечатываются в памяти его сердца. Какие же это будут слова: слова правды или лжи? Слова любви или ненависти? И даже если это будут слова о любви к своей родине, истории уже показала нам, что она может быть разной, эта любовь: все зависит от того, научится ли ребенок, любя свою родину, уважать и любить все прекрасное, что создано другими народами, населяющими нашу планету. И когда Горький в письме к Роллану высказал свою прекрасную идею, он был одержим именно этой мыслью: «Нужно помочь человеку повзреть — побороть индивидуализма и национализма, — писал он. — Пропаганда всемирного союза между людьми позитивно необходима».

По интернациональной детской республике в Иваново (здесь растут и воспитываются ребята двадцати национальностей) видно, как естественно людям жить в мире и дружбе, как естественно добрые связи между людьми. Эти дети дышат лунным, что создано всеми народами, и все это принадлежит им. Итальянский мальчик выжигает на дереве портреты Леонардо, Димитрия Донского, испанскую каравеллу и старинную русскую церковь — это все его. Все, что создали лучшие люди России, Испании, Греции, — достойные этих детей.

Во альбомах, посвященные жизни Мичурина, Белоянисса, Сервантеса. Великие люди, благородные сердца, их труд, героизм, их высокая мысль — это та почва, без которой не формируется, не растет душа ребенка. Суровая мелодия греческой партизанской песни рядом с песней острова Майорка, испанский танец и украинский гопака, который исполняют Луис и Ангелина, русская песня, которую поют Кларита и Хосефина, русская речь и занятия родным языком — все это их общее богатство.

В Иране есть праздник весны и нового года, когда на стол ставится свежая зелень, а люди поют и танцуют и ходят в гости тринадцать дней подряд! Этот праздник отмечается не только детьми, приехавшими из Ирана, но и всем домом — благо начало его совпадает с весенними каникулами, и хоть не тринадцать дней, но целую неделю можно отдыхать, быть веселыми!

Весь дом — не только греческие дети — празднуют дату освобождения Греции от турецкого ига, и турок Кучук от чистого сердца празднует его вместе со всеми.

Герои есть, Простые люди! Воздай им честь, Хоть этого они не любят. Свое спасибо. Сердце, душу С ползным делом Подари.

Глубоким уважением к человеку труда проникнуты эти строчки. Кем бы они ни собирались стать — инженерами, учителями, строителями, они думают не только о себе, они осознают себя участниками великой работы, которая должна преобразить землю и сделать счастливым каждого человека. Они унаследовали от старших веру в то, что только человек труда заслуживает уважения. Вот, может быть, самое драгоценное, что воспитано в этих детях: чудесный слух доброй мысли и простого дела, будущей и подвига, новое понимание того, что такое счастье. Они понимают: человек — творец и господин мира, на нем лежит ответственность за все несчастья на земле, и ему же принадлежит слава за все доброе, что есть в жизни.

г. ИВАНОВО

«Английский клуб, село Баган, Сибирь, СССР...»

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

«Вскоре я надеюсь получить паспорт и смогу посетить много других стран и, конечно, я горю желанием снова посетить вашу великую страну, которую я знаю и люблю так сильно. И возможно, наступит день, когда я с удовольствием посетю вашу школу и проведу вместе с вами один из ваших счастливых вечеров поэзии и песни.

С самым теплым приветом вашему директору, учителям, учащимся и родителям Ваш преданный друг

Поль Робсон».

Надо ли говорить, как заволновало всех это письмо! Его читали на расширенном заседании клуба, и ребята стоя долго аплодировали.

Так началась дружба баганцев с Робсоном.

Сколько писем из Америки получила с тех пор английский клуб, как выросли его «фонды», архив, как расширилась адресная книга!

ОПЕРА-ПОЭМА

Национальный герой Советской Татарии поэт Муса Джалиль является любимым и дорогим героем для всех народов Советского Союза. Его образ ныне стал достоянием всех искусств. Появилась музыка, театр и скульптура соревнуются, стремясь как можно ярче, красочнее, правдивее запечатлеть облик и великий подвиг писателя-борца, патриота, отдавшего всю свою зvonную силу поэты и самое жизнь Родине и народу. Поэтому не удивительно, что на декаду татарского искусства и литературы в Москву привезли спектакли о Джалиле одновременно два театра — драматический и оперный. Но поистине достойно быть отмеченным, что Базанский музыкальный театр сумел в декаде подготовить новую сложную постановку. В истории советского оперного театра мы, пожалуй, не находим другого примера, только быстрого отклика на златотрепещущую, современную тему.

Но дело, конечно, не в сроках, не в быстроте. Спектакль «Джалиль» мы можем назвать удачей — удачей и композитора Назифа Жиганова, и всего коллектива Татарского государственного театра оперы и балета. Прежде всего в «Джалиле» много хорошей, добротной музыки, щедрой на мелодии. Музыка оперы привлекательна и своей искренностью, и своим высоким профессионализмом. Жиганов — зрелый музыкальный драматург, чувствующий сцену, знающий возможности человеческого голоса, владеющий оркестром.

Жиганову прекрасно ведомо природа татарского мелоса, своеобразия родного фольклора. И он умело развивает народные элементы в своей музыке, помогает формировать национальный стиль татарской советской музыки.

Композитор и его либреттист Ахмет Файзи в создании оперы на тему Великой Отечественной войны не захотели пойти по привычному пути, они решили избежать обычных штампов и трафаретов. Семь небольших картин оперы легко укладываются всего в два действия. Уже в первой картине, своего рода прологе, мы видим Мусу Джалиля в Моабитской тюрьме. Он вспоминает свою жизнь, семью, прошлое, и это прошлое начинает развертываться перед зрителем. В опере пролетают картины фронта и глубокого тыла: с одной стороны — в Казани, где ждет Мусу жена поэта, с другой — в тылу у гитлеровцев, где мы видим Джалиля совершенно неожиданно в форме... гитлеровского офицера, занимающегося отправкой воинов эшелонам на Восточный фронт. Но никто не знает и не подозревает, что этот офицер и руководитель антифашистского подполья Гужеров, державший в страхе всех гитлеровцев, — это и то же лицо...

Джалиль успешно боролся с немецкими оккупантами, и все же фашисты узнали правду. Последняя сцена оперы снова переводит нас в подвал моабитского застенка, где перед казней Джалиль встречается с пленным бельгийцем Андре и передает ему заветную тетрадь своих стихов.

Сюжет оперы, таким образом, необычен, авторы по-новому строят

произведение, — это и интересно, и оригинально. Но надо все же признать, что музыка в «Джалиле» намного выше либретто, в котором есть и фрагментарность, и разрозненность, а порой и недоговоренность, и драматургические просчеты. Так, по существу, никак в опере не показана партизанская деятельность Джалиля — Гужерова. Нам даже кажется, что необходимо было добавить специальную отдельную сцену и дорисовать портрет Джалиля-партизана. Это помогло бы усилить и расширить в опере также и роль народа, развернуть картину его борьбы, яростного сопротивления оккупантам.

И еще: Джалиль был веселым, жизнерадостным человеком, поэтом, влюбленным в песню, стихи, в искусство. Это стоило бы больше отнестись в его характере. В опере же образ в большой мере мелодраматичен. Мне представляется, что авторам «Джалиль» стоит продолжить работу над своей оперой. И нужно сделать это именно потому, что «Джалиль», повторим, несомненно, в целом удачная, ценная опера.

Татарский театр много и хорошо поработал над «Джалилем» Жиганова и создал спектакль сильный, яркий, впечатляющий. Он намерен превосходного исполнителя для заглавной роли — студента Базанской консерватории И. Ишбулякова. Это в значительной мере определило успех спектакля. Режиссеры Б. Покровский и Г. Миллер тонко почувствовали своеобразия оперного письма Жиганова и превосходно сцепились использовать оригинальную оперную форму «Джалиля». Надо сказать, что для спектакля «Джалиль» подобран сильный и ровный ансамбль певцов. Режиссура научила певцов играть искренне, правдиво, и это тоже очень привлекает в спектакле казанского театра. Из исполнителей, кроме Ишбулякова, отметим Ф. Тимирова (жена поэта), народного артиста ТАССР Ф. Насретдинова (солдат Сатнаев), сцене земляники распевавший чудесную песню), И. Жукова (бельгиец Андре), народную артистку ТАССР М. Булатову (Хат). Художник Э. Нагаев создал выразительное оформление — особенно удались ему картины на железнодорожной станции и встречи Нового года в казанской квартире Джалиля.

Оркестр и хор в спектакле звучат безупречно чисто и выразительно. В этом заслуга дирижера Е. Тахована и хормейстера Г. Гаймерова и Г. Хамзина.

В заключение одно замечание. На афишах московских музыкальных театров отсутствуют оперы композиторов наших братьев республик. А почему бы опере «Джалиль» не остаться в Москве после декады?

Почему бы, к примеру, Театру имени Станиславского и Немировича-Данченко не поставить у себя «Джалиль»? Несомненно, что все лучшее, созданное в оперном искусстве народов Советского Союза, должно присутствовать в столичном оперном репертуаре. Заслуживает этого, без сомнения, и талантливая опера-поэма Жиганова о славном сыне татарского народа Мусе Джалиле.

М. СОКОЛЬСКИЙ

Сцена из оперы «Джалиль». В роли Мусы Джалиль — А. Ишбуляков (справа), в роли полковника Журавлева — М. Панюшин.

Роман «Когда слышатся реки», отрывок из которого мы сегодня печатаем, — первое крупное прозаическое произведение одного из старейших белорусских поэтов Петруса Бровка. В романе описано строительство гидроэлектростанции «Дружба народов» на границе Белоруссии Литвы и Латвии.

Роман «Когда слышатся реки» рассказывает о том, как растут, изменяются, освобождаются от пережитков старой жизни участники строительства — колхозники трех республик.

Главные герои произведения — молодой белорусский инженер, начальник стройки Алексей и его любимая — литовская девушка Анежка.

На улице не слышно ни стука, ни голоса — день воскресный, отец и мать уехали, не сказав куда, но Анежка догадывалась: все воскресенье в костел. Отец ее одного воскресенья не пропустил без того, чтобы не побывать у пана Клебанаса. Анежку сегодня он с собой не звал, потому что, как сказал сам, отнес от нее. «Иди на скрут голы, делай, что хочешь!» — были его последние слова.

И хотя тяжело было это слышать от родного отца, но Анежка понимала, что произошел важный перелом в ее жизни, который был неизбежен. Она даже подумала: так ли уж нужно бояться пана Клебанаса с его костелом? А ведь с самого малолетства она воспитывалась таким образом, что даже подобные сомнения считались великим и непростительным грехом. Клебанас Казимерас, который принимал и отпуская грехи, поучал в проповедах добродетели, действительно казался ей заместителем бога на земле. И в каждую ночь в последние годы своей жизни с боязнью и благоговением уже давно поминались над Анежкой:

— Смотрите, смотрите — наша монашка пошла...

— Не в ту сторону молитвенник листаешь!

Много надо было воли, чтобы вытерпеть все это. Анежка вспоминала, как Ионас накричал однажды на ее недоброежелателей и постепенно привлек в свой коллектив. Наконец, она поняла, что не может жить одна, без сверстниц, без молодежи. А в прошлом воскресенье она пропустила службу в костеле...

Сегодня она осталась дома одна и ходила, нервно, к пригнуменному. Вокруг стояла тишина, а на душе покая не было. Все перевернулось и смешалось. Невольно отец так любил ее! Откуда бы он ни приезжал — с поля или с ярмарки, — поднимал ее на руки и кружил высоко над головой. Она смеялась и вскрикивала от восторга и восторга, а вслед за этим развешивала разноцветные ленты, которыми украшала ее голову мать. Помнил Анежка, хотя уже и не очень отчетливо, и другую пору. Лежит она в небольшой деревянной кроватке, которую мастерил для нее отец, и словно дремлет. Она еще маленькая: какая там кроватка, а ее ножки еще не достают до спинки. Анежка делает вид, что спит, глаза ее крепко зажмурены. Но она хитро поглядывает сквозь узкие щелочки между ресницами и видит, как отец кладет ей под подушку конфеты. Хочется схватить их сразу, но она молчит, пока не скрипнет двери за отцом, уходящим на работу. Ждет она и еще несколько минут после этого, потому что знает — отец может заглянуть через окно, чтобы еще раз полюбозоваться на свою маленькую дочку. Потом она дает себе волю: вскакивает, бегает, как белка на орех, выслушивает конфеты из бумянки и сует себе в рот. Конфета приятная, с холодком, тает во рту.

Не могла она пожаловаться и на мать. Сколько платил вышла та для своей дочки! Невысокий сундук был почти довернуто набит ими. Лежали там любовно сложенные наряды, вышитые цветами, такими, какие растут у них на дугу, — ромашками и колокольчиками. Были и расшитые полевыми васильками.

— Ты тоже мой василек! Ругается! — не раз говорила мать.

Анежка смотрит на небольшое тумно и продолжает вспоминать свое детство. Оно было хорошим. Нельзя сказать, чтобы ее только носили на руках, — правда, родители делали все, что могли, для ее радости и удовольствия, но оно не состояло сплошь только из беззаботности. Родители ее не такие люди, чтобы делать из ребенка игрушку. Три десятилетия печальной жизни на хозяйстве не так уж многого Вулдан и Кона не знали — вот и все их богатство. И как ни холили они свою дочь, но уже с семи лет начали будить ее рано, посылая пасти овец или гусей. Кто, кроме нее, мог это делать? Отцу нужно было и пасти, и косить, а мать должна была управляться и в поле, и дома. Зато в праздники они одежали и пестовали свою Анежку, как паненку.

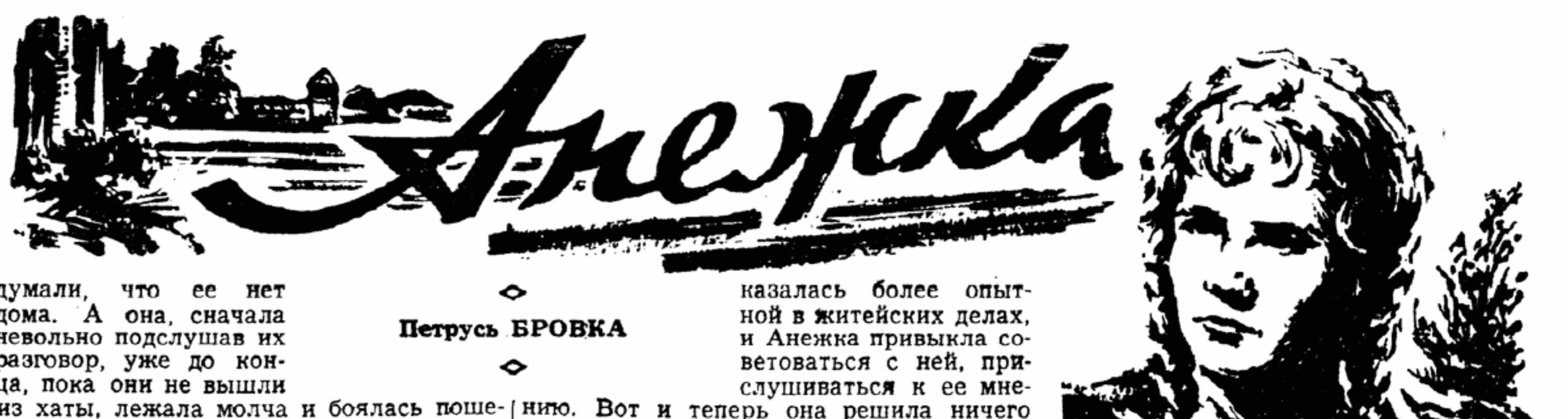
Почему теперь все так переменялось? Может быть, потому, что отец вышел из своего обособленного мира, казавшегося для него собственным хозяйством, и перешел на колхозную работу? Нет. Анежка на помнит, что первые годы он был, как и всегда, веселый, приходил с работы, и никогда не забывал пошутить и поиграть с дочерью. Хлеба и всяких других запасов в клету не уменьшалось. Правда, порой его сильно волновали некоторые порядки в хозяйстве, но это проходило. Мать, как всегда, была тихой и ласковой. Что же случилось теперь?

Анежка заметила, что в хате все стало мало-помалу перемещаться вверх дном с тех пор, как поселился у них Пранас Паречкус. Уже через несколько месяцев отца словно подменили — он редко смеялся, ходил все время раздраженный, нахмуренный. Нехотая выходя на работу, казался, даже собственные вещи становились ему врагами: вернувшись с работы, он со злостью, куда пошла, бросал топор или лопату. Мать, видимо, тоже болезненно переживала все это и заметно погрузнела. Анежка была уже большой: ей шел семнадцатый год, и она работала в поле в бригаде Ионаса. И сам Ионас, и старый Нерута часто хвалили Пашкевичусу его дочку, но это, казалось, мало трогало старика.

Девушка подгадывала, что все это делал Пранас Паречкус, который и сам смотрел на мир исподлобья. Откуда он взялся, она не знала. Мать сказала, что это троюродный брат отца, и все. А приходил он к ним на третий год после войны откуда-то из-под Клайпеды. Говорили, что он с детства работал в канцелярии, но в колхозе «Пергалес» Паречкус устроился сторожем. Другой работы он не искал и не хотел. Говорили, что он человек одинокий и за многим не гонится. Возможно, что это так и было, потому что никто и ниоткуда Пранас ему не писал. В свободный час Паречкус не писал. В свободный час Паречкус не писал. В свободный час Паречкус не писал.

Однажды Анежке удалось заглянуть в его душу. Она лежала, никак не замечая, ни печаль, ни хате за столом сидели отец и Паречкус. Вероятно, они

• Клебанас (лит.) — воевода.
• Ругается (лит.) — василек.

Петрус БРОВКА

думали, что ее нет дома. А она, сначала незаметно подслушав их разговор, уже до конца пока они не вышли из хаты, лежала молча и боялась пошевелиться. То, что она услышала, удивило и испугало ее. Паречкус умело расплал боль в сердце ее отца.

— Куда вы идете, подумайте сами, — тихо говорил он. — Что осталось у тебя от всего, нажитого тяжкими трудами? Разве можешь ты называть себя хозяином? Ну, например, завтра воскресенье — можешь ты запрячь своего коня в телегу и поехать, куда хочешь? Нет. Так какой же ты хозяин? Это же все равно, как при крепостном праве.

— Ну что ты говоришь, какое крепостное право, когда я свободный человек, когда нету надо мной пана и столько же хлеба получаю, сколько прежде и не было, — возразил отец.

А ты думаешь, так и всегда будет? Да и хлеб только лежит в твоей клету, а он не твой. Вот введут какую-нибудь добровольную сдачу — и пропадет со своим хлебом, уплывет он. Эх, ты богач! — булькал дробяньем смехом Пранас Паречкус.

Анежка никому не сказала об этом разговоре. Ей было стыдно признаться отцу, что она подслушала. А Паречкус старался, когда при Анежке находила беседа о колхозных делах, выражаясь односторонне. Обычно он говорил: «А кто ж его знает?» — и пожимал плечами. Но получалось это всегда как-то так, что понимать можно было только в худшем смысле.

Любил Паречкус ходить по соседним селам, сплываясь по окружающим полям и лесам. Всегда он возвращался из таких походов с какой-нибудь добычей. То принесет кусок какой-то продравшейся бляхи и начнет утверждать, что это осталось еще от снаряжения война, участника чужь ли не гитлявской битвы, то подберет обломок шлема и хвастает, будто это редчайшая вещь, потому что, как сказал ему один знакомый, шлем этот был принадлежал только ко времени самого Витота. Собирал он также старинные крестины, монеты, сосуды — восполняя историю Литвы». Но однажды он и крупно оскандалился. Не отдала возле леса попалась ему на глаза ржавая, почти коричневая пряжка от ремня. Чтобы пряжка не теряла своей исторической ценности, никому не только не разрешалось стирать с нее ржавчину, но и трогать ее рукой. «Это пряжка литовского война XV столетия», — объяснял он, — очень дорогая вещь, если продать ее в музей». И как же он сконфузился, когда Анежка однажды показала ему эту пряжку после того, как стерла смоченной в керосине тряпичной тряпичку с ее поверхности.

«С нами боги» — вот что было написано по-немецки на этой солдатской пряжке.

— Это не та... Ты мне подменила! — кричал и чуть не плевался Паречкус. — Может быть, с той поры он не влюбил меня, — вспоминает Анежка. — Искал случай отомстить и нашел, когда в руки ему попало письмо Алены». Еще и сегодня во всех подробностях стоит перед ней та же суматоха, которая поднялась в хате тогда. Кричал отец, а Паречкус молчал. Но все, что говорил отец, было похоже на то, что мог говорить Паречкус. Сам Пранас только ухмылялся и вертел в руках письмо.

— Литовка не может ввязаться с мужчином, с безбожником! — орал старый Петрас, отец Анежки.

— А разве они не люди? — Кто в бога не верит, для меня не человек! Я не хочу с такими звать... — Вас научил Пранас Паречкус? — Кому Паречкус, а тебе даяд... Анежка видела, что у матери на глазах выступили слезы, но она боялась вступить за дочь. В момент гнева Петрас Пашкевичус был страшен и, не признавая никаких доводов, шел напролом, как бык.

— Наниши этому мужику, чтобы он больше и думать о тебе не отгаживался. Какой же он мужик, если он грамотнее и меня, и вас, и Пранаса Паречкуса в придачу! — Дядюн, говорю, а не Паречкус... И для меня он не меняется оттого, что грамотный... Ответь ему при мне, что он тебе противен, и отпусти ему! — настаивал Пашкевичус и стукал кулаком по столу, будто ставил точку после каждой фразы.

— Я этого не делаю... — Значит, ты любишь его? — Я никому не говорила этого... — Скажи, ты будешь слушаться своего отца? — Если совет будет разумным... — Значит, ты решила, что стала умнее меня? — Я этого не говорю... Но я тоже человек!

— Ты отвадись его или покиньешь мой дом! — прикричал совершенно обеспамятевший от гнева Петрас. Анежка помнит, что в этот момент она заплакала и, нагнувшись на голову отца, выжала на ушко. С тех пор отец и разговаривает с ней. «Что мне делать?» — думает она, и неизвестность тревожит ее сердце.

казалась более опытной в житейских делах, и Анежка привыкла советоваться с ней, прислушиваясь к ее мнению. Вот и теперь она решила ничего не скрывать от подружки.

— А куда я пойду? Ты же знаешь, что у нас случилось... — А ты помирись с отцом. — Не могу... Я не виновата. Он меня обидел и оскорбил. — Значит, ты любишь Алена? — Люблю, — решительно выпалила Анежка и покраснела.

— Он красивый парень, Анежка. Такого можно любить... Я думаю, по нем уже не одна вздыхает... — Он хороший не только лицом, а и душой. — А ты откуда знаешь? — Знаю... Вот если хочешь, так почитай! — И она вытащила из-за кофточки письмо Алены, с которым, видимо, не разлучалась, а так и носила на груди, завернутое в вышитый платочек.

Подружки-девушки часто доверяют одна другой свои сердечные тайны. Бывает, что при этом они просто хотят похвалиться, а бывает, и для того, чтобы еще раз проверить свои чувства... Анежка смотрела, как Зосите читала письмо, и ожидала, как суда над своей любовью, ее слов. К сожалению, она ничего не могла сама прочесть по лицу подружки и облегченно вздохнула только тогда, когда Зосите еще раз похвалила Алена:

— Золотой парень, скажу я тебе, Анежка. А как пишет — прямо так и берет за сердце, так и берет... Смотри, и я влюблюсь в него! — У тебя Ионас есть, не завистничай. — Ладно, не бойся, я Ионас ни на кого не променяю, — обьяла Зосите подружка. — Да и тому же Алене и Ионасу приятнее... А хлопеч он все-таки замечательный... Нет, правда, когда я вижу его, у меня на сердце тоже будто конфета тает... — Ну, перестань! — Ладно, не буду... Но смотри в оба! — Что же мне с отцом делать? — А ничего, покричит, да и перестанет...

— Боюсь, что нет. Вот уже больше двух недель он со мной ни слова... — А ты напугай его... Скажи, что если он к тебе будет так относиться, ты уйдешь из дома. — Он этого и хочет. — Не может быть? Это он только пугает, а на самом деле... — А на самом деле, — подхватила Анежка, — может, мне собраться и уйти? — И она посмотрела на подружку так, будто от ее именно согласия все и зависело.

«Хорошо ли будет так сразу? Отцовский гнев может смениться на отцовский страх и нет, так тоже ничего страшного не будет... Иди на строительную! Там Ионас, тетка Восилена... Алене, а и Зосите в волнении начала размахивать руками. — Там весело, я могу поговорить с отцом, да и сама туд же... Анежка ухватилась за эту мысль: «Правда, почему бы не пойти на строительную? Сразу позабылись бы домашние неприятности, да, может быть, и отец спохватился бы... А кроме того — там он, Алене».

Ах, как забилось ее сердце, когда она представила все это... Но тут же возникли и сомнения: — А что же я там делать буду? С топором же я не могу... — Ты думаешь, что электростанцию только топорами строят? — засмеялась Зосите. — Совсем уж ты закурилась со своими думаками... Там всякая работа есть, а почему бы тебе не пойти к Восилене?

— Надо еще подумать, — сказала осторожно Анежка, а душой уже была на долговской горе, там, где, как она слышала, во всю шла работа. И она скоро увидит Алена, будет видеть его каждый день... — Может, мне поговорить с твоими родителями и уладить все дела? Даже пойти со мною в Долгое разрешат... Ты только скажи — пойдешь ты? — Пойду, — твердо заверила Анежка, а Зосите знала, что Анежка может колебаться и сомневаться, но, приняв решение и дав слово, сдержит его.

И долго еще подружки обсуждали свои дела, прежде чем приступить к осуществлению намеченного плана. Когда солнце уже повернуло с полдня и перешло на другую сторону гумна, на дворе захлестнула колымажка и полонизла колес из разговору. Приехали родители Анежки. «Тыр-р-р!» — не во ухлепо, но то просто от злости загудел Петрас Пашкевичус и соскочил на землю.

Отец Анежки пришел не в настроении. Это сказалось даже в том, что мать быстро и молча слезла с телеги и с кулеками в руках торопливо всаменяла в хату. А старик Пашкевичус отряп коня и, без всякой надобности вытнув его кнутом, выгнал на пригнуменое. Потом долго копался в сене и что-то доставал, бормоча и поругиваясь. Захватив телегу под навес, он остановился и посмотрел на гумно. Пашкевичус был, как всегда после выезда в костел, в своем черном пиджаке и коричневых брюках. Шею обвивал самодурный серый шарф, а на голове красовался синий фуражка с черным Пашкевичусу показало, что вот так же он был в хорошем настроении, он обладал только позвал бы дочку и пошутил бы с Зосите, но сегодня только посмотрел в их сторону, сразу же отвернулся и, тяжело ступая, пошел в хату.

— Жалко мне его, — вздохнула Анежка. А Петрас Пашкевичус и правда был в дурном настроении. Он вошел в хату, кинул на сундук шарф и фуражку, положил на стол кулек и сел, задумавшись. Даже собственная хата казалась ему сегодня какой-то чужой и уютной. Желтые стены, несмотря на солнечный день, словно потемнели. Зеленоватый сундук и широкий коричневый шнаф будто стояли не на своих местах. Донучиюму жужжала в углу муха, которую уже хватывала своим тонким лапами паук. Пашкевичусу показалось, что вот так же и его кто-то душит за горло... А Пашкевичене ходила тихо и поглядывала молчаливо и робко, зная, что в такие минуты лучше дать его гнев остыть. Гнев же у Пашкевичуса на этот раз не проходил долго. Он еще больше разгорался после костела. Пан Клебанас как бы залез Петрасу в душу своей сегодняшней проповедью. «Словно подглядывал, что у меня в семье творится!» — злился Петрас. Дочку он сильно любил и уже собирался ласково поговорить с ней, как вдруг, на тебе, сегодня утром Паречкус шепнул ему доверительно, что слышал о некоторых близких переменах в жизни. «А что, если

и правда снова вернется Сметона и опять ляжет граница между нами и Долгим? Что она, с ума спятила, эта девочка? А я ей вез гостинцев? — сокрушался Пашкевичус, разорочивая маленький сверточек о белыми бусами, переливающимися на солнце. «Покорится, повинится — и подарю, чтобы утешить», — решил он, покаяну их в магазине. Он — подошел к стене, где в аккуратных деревянных рамочках висели фотографии дочери. Вот она, совсем еще маленькая, сидит в кресле, застланном ковроном. Какие у нее ласковые глаза! А этот снимок сделан в день конфирмации в костеле — Анежка похожа на белого ангела. Но снимок, сделанный в этом году, разозлил Пашкевичуса — во взгляде девушки проступила неизвестная до того непонятность. Петрас кинул бусы на лавку и посмотрел на жену, потому что на этом снимке дочка оказалась похожей на мать.

— Если бы на меня покаяну было, ничего этого не было бы! — не утерпел он. — Да успокойся ты, Петрас, ничего особенного и нет. Сам себе выдумываешь беду. — Я выдумал и того мужика, того безбожника, да? — Стук в сенцах помешал дальнейшим пререканиям. В хату вошел запяленный и утомленный Пранас Паречкус. Отсылав кружку, он долго и жадно пил воду. Заметив, что никто на него не обращает особого внимания, он начал разговор сам: — Утомился так, что душа из тела отлетает.

— Где же ты так далеко был? — понтересовался Петрас. — В Курюлишки ходил. — Похоже, ты туда сегодня не собирался. — Не собирался, а потом пошел. Не могу же я без костела жить! — Да разве тебе нашего мало? Бог везде один! — удивился Петрас. — Ты еще ребенок, Петрас, как я погляжу... Ты хочешь, чтобы меня отсюда выгнали? — И он поглядывал так обижено, словно и на самом деле жестоко страдает от того, что негде помыться.

— Что-то я не слышал, чтобы кого-нибудь за молитву с работы прогоняли. — Мало ты еще знаешь, Петрас! — вздохнул Паречкус, а сам подумал, что тот и в самом деле знает не слишком много.

Паречкус радовался, что так удачно и незаметно сходил сегодня к Казюку Клышевскому. И занес ему кое-что, а главное — предупредил, чтобы тот был осторожен, даже перешел бы на время в какое-нибудь более укромное место. Паречкус считал, что сделал это не зря — глаз у него наметанный, и вчера с утра он заметил, что подозрительно долго бродил по селу милиционер.

Вообще же Паречкусу казалось, что слишком мрачно стало в этой хате у Пашкевичуса и, может быть, частично виноват в этом был он сам. В конце концов, мало ли чем это может обернуться, как развязаться. Пойдут слухи, привлекут внимание. Зачем это ему? Не лучше ли попытаться помирить Петраса с дочкой, выступить в роли доброго друга семьи? А там видно будет...

Девчата пришли с пригнуменя и сели на лавку напротив старших. Анежка смотрела на мать и ждала вопросов от нее, но вместо этого с ней ласковым голосом начал разговор Паречкус: — Анежка, мне тяжело видеть, как горит сердце у твоего отца. Не обижай его, Анежка! — Я его ничем не обидела... — Скажи ему, что это письмо случайное. — Случайное, Анежка? — старалась подсказать желательный ответ мать. — Я не думала об этом... — А какое вам до этого дело? — поддержала приятельницу Зосите. Петрас снова нахмурился и стиснул зубы. Он не мог сплотно вынести ответа, как ему казалось, нахального тона. — Не режь моего сердца, Анежка! — кричал он, стуча кулаком по столу.

— Я же не в тюрьме, я на свободе, а вы хотите замкнуть меня на железные засовы, — твердо, но с должным уважением в тоне ответила Анежка. — Вот как говоришь ты о родительском доме! Разве тебе у нас плохо? — Вы сами, не зная того, без всякого повода причиняете мне горе... — Зосите хотела вступить за подружку и сразу же выполнила свое обещание — упрости, чтобы Анежке разрешили сходить в Долгое на строительную. Но как это сделать, теперь она уже не знала. Однако она пыталась, как умела, смягчить отца подружки.

— Дядя Петрас, — ласково обратилась она к Пашкевичусу, — мало ли что бывает? Ничего плохого и обидного в том письме и нет. — И я говорю, — начала было мать, но, поймав быстрый и жесткий взгляд мужа, умолкла. — Она же не виновата, что ей прислали, — разводила дипломатно Зосите. — Никому нельзя запретить смотреть на девушку.

— Перестань ты, Петрас, — посела Пашкевичене, и глаза ее умоляли о прощении. — А я хочу, — настаивал отец, — чтобы она вышла и выругала этого нахала. Пусть больше и думать не смест об этом! Сделаеть так? — повернулся он к Анежке.

Только одну секунду поколебалась девушка, затем, глядя отцу прямо в глаза, твердо ответила: — Нет. — Тогда ты мне не дочка... Вон из моей хаты! — указал он на дверь и в безысходной схватил и разорвал ожерелье. Белье жемчужные бусинки, словно слезы, раскатились в разные стороны по полу.

Анежка вышла с подружкой на улицу. Что делать дальше? Она еще не верила, что разговор с отцом окончательный и последний, но сейчас перед ней была полная неизвестность...

Авторизованный перевод с белорусского Ник. Гривачева

Успех друзей

С гордостью и, не скрою, с удивлением говорим мы сегодня о татарском балете как о сильном профессиональном коллективе. Спектакль «Шурале» можно оценивать без всяких скидок и на «периферии», и на зыбкой вершине казанской труппы.

Вдумываясь в процесс становления татарского балета, процесс, не только не закончившийся, а еще, очевидно, не достигший своего полного развития, мы находим, по крайней мере, две причины таких больших успехов наших друзей из Казани.

Первая причина — в необыкновенно интенсивном развитии национальной культуры, выходящей все лучше, что создано в духовной жизни братьев народов и прежде всего — народа русского. Русская хореография вошла в плоть и кровь хореографии национальной. Вот и татарский балет вырос и расцвел на благодатной почве русской классики. Вторая причина успеха состоит в том, что исполнительские силы татарского балета прошли замечательную школу ленинградских педагогов, таких, как М. Романова, А. Ваганова, В. Попомарев и А. Пушкин.

Есть в казанской балетной труппе и воспитанники школ Москвы, Молодцова, Табачанки, есть даже выходцы из самодеятельности, но сейчас, глядя на сцену, где выступают артисты из Татарии, мы не откроем различий исполнительского стиля и не найдем творческого разноробия.

Балетмейстеры Л. Бордюковская и П. Байдалтов достигли единства танцевального стиля, общности и целостности игры и танца как исполнителей главных ролей, так и хордебалета. В этом вижу я основное достижение татарского балетского искусства.

Кроме того, в нем много по-настоящему одаренных артистов, и потому партия злого лесного владыки Шурале, заволашавшей девушку-птичку Сюмбике, любозабытого и вершущего ее в людях Былытра и его друга исполнены на высоком профессиональном уровне.

Танец С. Хайруллина, исполнявшего загадочную партию Шурале в первом спектакле, пластичен, выразителен, техничен, силен. Достаточно было увидеть его первую вариацию, включающую очень сложные па, чтобы понять, что перед нами танцовщик, умеющий легко и свободно пользоваться своими отличными данными.

валяется перед зрителем его добрая и большая душа, его незаурядная физическая и нравственная сила, которая помогает герою побороть всех своих противников — от страшного Шурале до всей его свиты из нечисти во главе с Огненной ведьмой и Бесбеном, которых очень хорошо танцевали Е. Потемкина и Р. Лебедева.

Нежна, красива в своих движениях и танцах Сюмбике — Н. Юлтеева. Ее адажио с Былытром, ее танцы с подружками-птичками (которых, правда, слишком много и потому они иногда «забывают» героиню) и, наконец, ее сольные вариации исполнены трогательного изящества. Образ хрупкой и беспомощной девушки, на защиту которой встает не один герой, а весь народ этого сказочного селения, впечатляет именно своей поэтичностью, воплощенной балетной весьма убедительно.

Я не могу не сказать хотя бы несколько слов об исполнителях эпизодических ролей: Свахи — М. Карамышевой, Свята — А. Фляковой, Друга Былытра — Ш. Мифтахутдинов и Пария с гармонью — К. Хусанов. В них нет ничего от того дурного вкуса, который так нередко встречается при решении подобных бытовых образов на балетной сцене. Артисты хорошо танцуют, и все их поведение на помостках очень естественно.

Х. Фазуллину ведет оркестр уверенно, донося мысль музыки до зала и заботясь о том, чтобы участникам спектакля всегда было легко и удобно танцевать. А мы, артисты балета, не можем сделать большого комплимента дирижеру, чем сказать ему, что он помогает нам.

Музыка Фариды Яруллина кажется мне глубокой и содержательной. Когда слушаешь «Шурале», понимаешь, как много передал этот молодой композитор, безмерно погубивший на фронте Великой Отечественной войны, о добре и зле, о столкновениях между силами света и мрака, о философской значимости идей волшебных сказок Габдуллы Тулая, превращающих в замечательное балетное либретто Ахметом Файзи.

Но музыка «Шурале» не только глубока и симфонична. Она и танцевальна в лучшем смысле этого слова: мелодия Яруллина ясна и понятна, она ярко характерна, у каждого из персонажей есть своя тема, которая выливается и развивается на протяжении всего спектакля.

ЗАЩИТИМ НАШИХ ДЕТЕЙ!

В нынешнем году исполняется восемь лет с тех пор, как по решению сессии Совета Международной демократической Федерации женщин был установлен Международный день защиты детей.

Усилия всех честных людей мира направлены на то, чтобы оградить детей от болезней и страданий, от несправедливого рабского труда, от нищеты, брожения, темноты, физического и морального рабства. Результаты этих усилий, к сожалению, еще очень недостаточны. Но уже взяты на учет, видны всему миру болезни и уродства безрадостного положения детей трудящихся в колониальных, зависимых и многих буржуазных странах. Безрадостная статистика с неутолимой логикой повествует о недостатке школ, детских больниц, нормальной еды и жилья. А когда болезнь точно определена и ясна, — больше надежд на то, что ее можно вылечить, как бы она ни была тяжела.

Советские люди с гордостью отмечают каждое 1 июня — подготавливают, что нового, хорошего прибавилось для счастья наших детей в истекшем году. Прибавилось школ, детских здравниц, пионерских лагерей, сократился рабочий день несовершеннолетних молодых рабочих, больше стало вечерних факультетов и школ рабочей молодежи, организованы и зарекомендовали себя с самой лучшей стороны школы-интернаты, увеличился отбукса беременным женщинам, что идет на благо и матери, и ребенка. Право же, нам есть чем порадоваться, есть что подчитать в День защиты детей.

С душевным сочувствием мы следим за успехами наших китайских друзей в их заботах по воспитанию детей. Сердце радуется, когда узнаешь, что только за пять лет расходы на обучение и воспитание детей в Народном Китае возросли в 28 раз, что в 510 тысячах начальных школ обучается бо-

В. ЛЮБИМОВА

лее 50 миллионов детей. Ну разве это не чудесно? С тем большим гневом и скорбью узнаешь из материалов Всемирного конгресса матерей такие печальные факты, что, например, в Бразилии больше пяти миллионов детей не ходит в школу.

В последние годы появилась новая тяжелая трагедия детской психики, которая получила особенное распространение в американской школе. — «Атомные психозы». Безжалостное это дело — пугать детей мнимой угрозой атомной бомбежки, заставлять заезжать под парты дрожащих от ужаса ребят или проводить экстраординарные эвакуации детей из мест, «по-нарочному» объявленных опасными зонами. Не любят своих детей те взрослые дяди, не в меру ретивые воины, которые так их травмируют.

Но что значат эти «атомные психозы» перед абсолютно реальной опасностью последствий не только применения, но даже испытаний атомных и водородных бомб! Все настоящие ученые предупреждают об опасности для человечества, для будущего человечества — значит, для наших детей! — последний этих испытаний. Будущие поколения, по авторитетному мнению ученых, могут пострадать от повышения природного уровня радиации. Об этом должны помнить все люди земного шара, все, кому дорого его будущее, все, что любит детей и жизнь, все, кому свойственен гуманизм!

Сегодня, 1 июня, Международный день защиты детей должен пройти под знаком самой активной борьбы, самого решительного протеста против угрозы атомной войны и испытаний ядерного оружия. Без честные люди мира не могут не поддержать такой гуманный призыв советского народа, как обращение к конгрессу США и парламенту Великобритании, принятое на сессии Верховного Совета СССР.

Во имя будущего всего мира, во имя жизни, во имя всех детей — этой нашей надежды и радости, их здоровья, счастья и благополучия да здравствует мир во всем мире!

Вдвоем поют отец и ребенок. Голосок у ребенка старательно тонкий, глаза полны безмятежности неба, и отца темны — от скорби и гнева. Лицо его непринужденно и строго оттого, что знает он слишком много, оттого, что жмется от тревога.

Не искушайте бы вам сливки грозной, алчность слепая, тулая жестокость! Остановитесь, пока не поздно, пока еще не разверзлась пропасть! Пока еще зеленеют ветви, пока еще жужжатся дети... Нельзя, чтобы не было ветки росной, чтоб девочка эта не стала взрослой...

Не для того мы жизни сжигали, чтоб перед угрозой руки сложили. Об этом поют отец и ребенок, и горькие тени в огне погребенных, и миллионы живых и бесстрашных, и верных и честных товарищей наших.

Вероника ТУШНОВА

Снимок из японской газеты «Утагога симбун» — органа движения «Голосе голоса Японии»

Джанини РОДАРИ, итальянский писатель

Солнце — хорошее!

Может быть, потому, что я сам стал недавно отцом, но мне кажется, что именно в этом году о детях Италии говорилось очень много, и нередко газеты и журналы посвящали им первые страницы. Прежде всего нужно сказать о реформе школьной системы: вместо пяти классов — пути далеко отстоящий друг от друга ступенчатый лестница народного образования — у нас теперь будет два цикла обучения: первый двухгодичный, второй трехгодичный. Внутри каждого из этих циклов убрала экзаменационные барьеры, а вместо жесткой и походившей на тюремный распорядок программы, в которой с таким издевательством перечислялись крупицы знаний, у нас будут программы более гибкие, дающие педагогам больше возможностей учитывать интересы детей и особенности окружающей обстановки. Все это позволит сделать преподавание более живым и приблизит его к требованиям современности. Конечно, не обошлось без полемики, хотя бы потому, что в новых программах подчеркивается все же, что «основой и венцом» школы должно быть религиозное воспитание.

На смену этой полемике пришла полемика «о домашних заданиях». Половина Италии на протяжении многих недель обсуждала этот вопрос, газеты и журналы помещали анкеты, устраивали дискуссии. «Зачем снышком много? — протестовали родители; это же признавали и педагоги. Но педагоги добавляли: «Дайте менее жесткие и менее обширные программы не только для начальных, но и средних школ; дайте нам больше школ, чтобы не приходилось заниматься в две или три смены, создайте на классы с меньшим количеством учеников, так, чтобы можно было следить за успеваемостью каждого. Часто бывает, что даже к концу года нам не удается узнать имен всех наших учащихся».

Дискуссии по вопросам автоматизации и изучения атомной физики вновь привлекли внимание общественности к школе, к объему получаемых в ней знаний, к ее проблемам. С этой точки зрения нынешний учебный год был для итальянской школы благоприятным, потому что, когда какая-нибудь проблема начинает охватывать миллионы людей, ее решение не за горами.

Но вот как-то утром двое молодых людей с револьверами в руках являлись в маленькую деревенскую школу недалеко от Милана, направляли револьверы на учительницу, связывали всех детей, заваливали мебелью двери. Они требуют огромный выкуп за детей, и становится ясно, что это сумасшедшие. Вся деревня поднята на ноги, но никто не осмелевает приблизиться к школе: один из безумцев выстрелил в женщину, которая решила зайти в школу, чтобы забрать свою девочку. Да, это было сумасшедшее, и они слишком уверкались кино. Для переговоров с полицейскими, осадившими школу, им понадобилось телевизионную установку, чтобы диктовать свои условия всей Италии. Шли долгие, полные трагизма часы. Неужели ничего нельзя сделать, чтобы отвести от детей два револьвера? Наконец один молодой рабочий вышел из состояния оцепенения и попытался взобраться на подоконник; воспользовавшись удобным моментом, одна из учительниц бросилась на бедро опасного из двух гангстеров; полицейские, стреляя, ворвались в школу. И вот дети освобождены. Молодой рабочий расплатился за всех: он лежит на полу с простреленной грудью. Если бы не эта смерть, сейчас можно было бы даже пошемпеть над случившимся. Но об этом нельзя вспомнить без содрогания.

Разве наши дети в любой момент дома, в школе, увлеченные своими шумными играми на улице, не могут оказаться жертвами преступления, гораздо более страшного? На них не направлены сейчас два револьвера, но на них написана угроза куда более ужасная: угроза атомного оружия, опасность концентрации радиоактивного излучения в воздухе, возрастающего с каждым новым экспериментальным взрывом атомных и водородных бомб. Мы не можем заниматься теперь только вопросами, касающимися домашних заданий, завтраков и детских игр. От атомной войны — вот от чего в первую очередь мы должны спасти наших детей.

Может быть, потому, что, как я уже говорил, я сам стал отцом и вступил в мир чувств, о которых раньше мог лишь догадываться, в книгах, которые я сейчас читаю, меня особенно интересуют те места, где говорится о детях. Недавно я прочел новую книгу, которая называется «Дневник учительницы». В ней молодой педагог Мария Джакоббе рассказывает о своей работе в Сардинии, очень просто и ярко повествует о том, как она, девушка из обеспеченной семьи, столкнулась с суровой действительностью, узнав жизнь своих учеников, прочитав о ней между строк их сочинений.

Вот одно из этих сочинений: «Солнце со своими огненными волосами движется по небу. Солнце — плохое. Оно сжигает землю, траву, все. Крестьянин работает в поле вместе со своими волами. Луна — бедная, веселая. Луна ходит по небу одна, радостная. Но ей все нет детей».

Может быть, этот лирический детский, эти буйные и неприличные образы вызовут у вас лишь улыбку, как некоторые детские рисунки, такие же своеобразные и неприличные. Но вот сама учительница удивительно проникновенно открывает перед вами секрет. «Солнце сжигает все, — пишет она. — Это трагедия его отца, трагедия всех крестьян острова, обрабатывающих землю и живущих ее плодами, трагедия всей Сардинии. Здесь, у нас, солнце — не счастье, а злое божество».

На лице этого маленького мальчика отпечаток страданий и нищеты его родины. Снимок и текст из французского еженедельника «Регар».

Закончилась годовая сессия Румынского десятилетия культуры РСФСР. В этом году она стала особенно важным событием для нашей страны, — декада проходила в преддверии великого праздника 40-летия Октябрьской революции. Дружба наших культур имеет давние и прочные традиции, хотя на пути развития этой дружбы стояло немало препятствий. До освобождения, а в особенности во время войны, чтение русских книг каралось в Румынии тюрьмой. И все же, несмотря на это, наши люди читали и читали Горького и Маяковского, не говоря уже о Пушкине, Гоголе, Достоевском, Толстом. Еще до войны у нас зачитывались «Чемпионы Галахова». Огромной популярностью в Румынии пользовались музыка Чайковского и театр Станиславского. Ныне наши связи стали прочными, как никогда, они крепнут с каждым годом. К декаде культуры РСФСР в этом году был приурочен выпуск очередных томов собранной Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Чернышевского, Маяковского. Тиражом в 30 тысяч экземпляров вышел «Тихий Дон» Шолохова. Это уже не первое издание этого выдающегося романа. Лучшие румынские пи-

На улочках Капри

Лев КАСИЛЬ

Летом прошлого года, сойдя с небольшого пароходика, который доставил нас из Неаполя в Капри, мы поднялись по крутым улочкам острова. И с каждым метром подьемом все шире и просторнее распахивался лазурный горизонт моря вокруг и все яростнее ошумело, что мы на маленьком острове.

На одной из тесных улочек, прямо посреди нее на проезжей части асфальта, сидела маленькая девочка в трикотажной рубашонке, заправленной в грязные штанишки. Смугленькая, большеглазая, тупая, с чумазиными, персикового оттенка щеками, она, казалось, чувствовала себя полной хозяйкой улицы и, сидя на горячем асфальте, преспокойно поглядывала снизу на осторожно обходящие ее машины и из-под длинных тонких бровей равнодушно оглядывала прохожих. А мимо шли американские туристы и туристки в предельно коротеньких штанишках-шортиках, в надетых навулпус рубашках, уснащенных фотопортретами кинозвезд, надписями, набранными эти стрелы из пяти строгубовая и глазастая девочка, с такой царственной независимостью восседавшая посреди улицы, заполненной иностранными туристами на которых она и бровью повести не хотела. Я еще издали, чтобы не испугать ее, нацелился своим фотоаппаратом... Но тут из-за ограды дома, перед которым сидела девочка, выскользнула разъяренная мать и, выхватив весьма воинственно грудью закрытую собой дочку, оттащила ее к себе за спину одной рукой, а другой грозно мне: «Но... Но, сеньор американ! Баста! — она потащила девочку за ограду, выкрикивая сердито в мою сторону что-то об американских бездельниках, которые шатаются по всему свету, опротивели всем и в Италии своими толстыми ляжками, бесстыдными, да еще и новенькими сфотографировать, как бы лучше, итальянские ребята, чтобы их не стали потом у себя за морем: вон, мол, как плохо живет там, кто не хочет во всем слушаться добрых американцев».

Она кричала еще что-то, темпераментно потрясая кулаком, и я не сразу смог разубедить ее в том, что она на сей раз ошиблась. Но едва услышав, что с ней разговаривает не заокеанский турист, а человек из Советской России, из Москвы, которому просто захотелось снять на память одну из самых младших и прелестных жительниц чудесного острова, она так же внезапно смолкла, потом, свернувшись на солнце белыми зубами, улыбаясь чуть ли не во весь горизонт неаполитанского залива, воскликнула: «Ун моменте, сеньор! На мгновение она исчезла в доме и тотчас же появилась в дверях дома с другой девушкой, еще меньше первой. Она на ходу натянула на нее платье, воруна под нос, что у старшей, Марии Терезы, и вышла на улицу, платя после стрижки еще не прошло и И оставив в лапках девочку, наскоро попытавшись пригладить им волосы, патерней, отбежала сама в тень дома, весело крича мне: — Теперь снимайте, сеньор! Пусть в Москве увидят, что как нам ни трудно живется, а дети у нас, пошли им господь счастья не хуже, чем у других... А ну тихо, девочка, вас снимает сеньор из Москвы... Уж там то понимают толк в детях.

Я с удовольствием снял сестричек-каприянок, радуясь и гордясь, что и на далеком острове простая итальянская женщина твердо берет добрый слезе моей страны, где так беречь счастье детей, так чять любовно матери.

Вместо с огненными волосами, это трагедия, азухи и великого многотерпения сардинского крестьянина». Малыш, написавший «Солнце — плохое», протестует! А описывая одинокую, бедную и веселую луну, бедную и без детей (и, следовательно, без забот), маленький школьник, выросший в семье, где слишком много детей и не хватает на всех хлеба, создает свой образ свободы и счастья.

Однажды учительница нарисовала на доске кроватку. «Многие ребята, — пишет она, — вскочили и, указывая пальцами на Грациано, закричали так, словно они учили его в чем-то постыдному: «Он спит на кровати, как женщина!» Я решил высветить, в чем дело. Оказалось, что из всех моих учеников-мальчиков Грациано был единственным, не спавшим на полу».

Конечно, в Италии не так уж много осталось таких деревень. Наша страна развивается, и долгие годы народной борьбы все же заставляют вековую нищету отступать.

Но пока есть хоть одна деревня или хоть один ребенок, пусть не в Италии, а где-нибудь в Индии или Африке, у которого нет кровати, раз- раз же можем мы оставаться спокойными? Разве можем мы довольствоваться счастьем, которое испытываем, глядя на наших детей, спящих в кроватках? Может быть, потому, что я еще молодой отец, но я встану по ночам и прислушиваясь к дыханию своей дочурки, такому легкому, что его почти невозможно уловить. Я горько, Киев, — один из лучших коллективов страны. К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции он готовит пьесу В. Иванова «Бронепоезд 14-69». Пьесы советских драматургов собираются поставить в юбилейные даты и многие другие театры.

Если югославский зритель пусть еще не так часто, но все же знакомится с советским театральным искусством, то советские фильмы он видит редко и, можно сказать, с удовольствием.

И часто встречается с артистами Югославского драматического театра. Этот театр, гостивший в Москве, Ленинграде, хоту, чтобы моей девочке никогда не довелось написать: «Солнце — плохое», чтобы ни у кого в мире не сорвались бы эти кощунственные слова.

Декада культуры РСФСР в этом году стала большим праздником братства русской и румынской культур, являясь подтопкой к празднованию годовщины Великой Октябрьской революции, чей свет озаряет новый путь Румынии.

Декада русской культуры — это праздник всей страны: он отмечается во всех городах и селах. Тысячи людей приходят слушать русскую музыку, на вечера и беседы о русской литературе, смотреть русские пьесы. В одном лишь селе Лакул Серат на празднование присутствовало свыше 20 тысяч крестьян. Организованы выставки русского народного искусства и книжные базары.

Румынские газеты уделяли большое внимание декаде русской культуры. С большими статьями о русской культуре выступили академики Константиенку-Янь и Джео Богза. «Лучи света» — так озаглавила свою статью в «Газете литерара» проф. Ион Витлер. О русской культуре, о книгах, переведенных на русский язык, пишет поэт Эуджен Жебеляну.

Декада культуры РСФСР в этом году стала большим праздником братства русской и румынской культур, являясь подтопкой к празднованию годовщины Великой Октябрьской революции, чей свет озаряет новый путь Румынии.

Леонид ЛУКОВ, народный артист РСФСР

Письмо из Белграда

Май в Белграде всегда не просто теплый, но жаркий. А в этом году здесь пасмурно, холодно и ветрено. Вот уже более трех недель не затихнет противный мелкий дождь. И при всем том улицы многолюдны. Несмотря на туманную, неприглядную погоду, в югославскую столицу прибывают все больше туристов.

Гостиныи забыты до отказа, и главным образом иностранцами. Достать номер почти невозможно: его приходится бронировать за неделю до приезда.

Стремление туристов сюда, на берега Дуная и Савы, легко объяснить. Здесь красивые, чистые улицы, замечательные по своей красоте и богатые зеленым парком. А вокруг — высокие горы, густые леса. В городских ресторанах и уютные отели. В выходные дни съезжаются сюда не только туристы, но и рабочие, служащие столицы.

Каждая тропинка в горах, каждое дерево в лесу связано с прошлой героической борьбой югославских партизан.

Хорошо, приветливо встречают здесь русских. Каждый раз, показывая места, где были партизанские лагеря, люди вспоминают советских солдат, вместе с ними борющихся против гитлеровских оккупантов. Рассказы югославских патриотов жизненно непроверженными фактами подтверждают: в борьбе с фашизмом наших воинов и югославских партизан связывали общие интересы, единые цели.

На каждом шагу слышишь трогательные истории о том, как югославские женщины, старики помогали нашим солдатам, бежавшим от концлагерей. Сколько раз, подвергая себя опасности, рискуя собственной жизнью, спасали они их от неминуемой смерти. Советских людей пригревали, укрывали, кормили, и они, обретая силы, снова брали в руки винтовку, снова становились за пулемет, чтобы защищать ставший родным дом, искривленных и верных друзей...

Необычен Белград в часы сумерек. Зажигается множество люминесцентных ламп, вспыхивают огни неоновых реклам, ярко освещаются нарядные витрины магазинов. Разноцветные огни отражаются в мокром асфальте. И кажется, словно бесчисленные источники электрического света расположены прямо на тротуарах и мостовой.

Даже ненастная погода не может безлюдить вечерние улицы, загнать белградцев в дома. Жители столицы любят походить в витринах магазинов, посплетничать с другом о ценах, качестве того или другого товара. Подойду и внимательно разглядываю свои витрины, вглядываясь от окна к окну.

И хоть падают дожди, под полотняными тентами распевают белградцы любимых кофеев, рассказывают новости или, поджав от холода воротники плащей, играют в карты.

Но как только наступает одиннадцатый час, город замирает, чтобы рано утром проснуться, начать новый трудовой день. Здесь, в Белграде, можно услышать много хорошего о советских деятелях искусства. Незатрагиваемое впечатление оставляет А. Александрова. Часто вспоминают белградцы Давида Ойстраха, восхищаясь его виртуозностью. Много говорят о мастере О. Лепешинской, жаждают снова появиться мхатовцев. Без преувеличения можно сказать, что огромным успехом пользуется гастролирующий сейчас в Югославию Государственный театр кукол под руководством С. Образцова.

С радостью узнавая деятелей югославского искусства об успешных гастролях в Советском Союзе струнного ансамбля солистов Загребского радио.

И часто встречается с артистами Югославского драматического театра. Этот театр, гостивший в Москве, Ленинграде, хоту, чтобы моей девочке никогда не довелось написать: «Солнце — плохое», чтобы ни у кого в мире не сорвались бы эти кощунственные слова.

Декада культуры РСФСР в этом году стала большим праздником братства русской и румынской культур, являясь подтопкой к празднованию годовщины Великой Октябрьской революции, чей свет озаряет новый путь Румынии.

Виктор КЕРНБАХ, румынский поэт

Жизнь без глянца

Выходящий на русском языке журнал «Америка» надо отдать ему справедливость, не жалует бумаги для показа американской действительности. В вышедших восьми номерах журнала чего только нет: «Дети и листья», «Дети воистину в снегу»; три глянцево-страницы отведены фоторассказу о том, как девочки пытаются нарядиться в мамыны одежки; на двух страницах аппетитный малыш Крэг Андерсон тискает котика Питианску. Словом, при чтении журнала «Америка» можно создать впечатление, что для всех американских детей жизнь — сплошной праздник.

Однако не торопитесь с выводами. Мы не сомневаемся в том, что в Америке, так же как и в любой другой стране, любят детей и делают многое для их воспитания, образования и отдыха. Но далеко не для всех. Миллионы семей еле сводят концы с концами. И они не могут обеспечить для своих детей той беззаботной жизни, о которой так красочно повествует журнал «Америка».

Редакция этого журнала находится в столице США — Вашингтоне. Стоит редакторам журнала пройти несколько кварталов, как они могут увидеть картины, не похожие на публикуемые ими снимки.

«Голод преследует детей в юго-западном районе города Вашингтона. Это не призрак. Это можно увидеть на каждом шагу, — так начинается помещенный в конце марта в газете «Вашингтон пост энд Таймс геральд» репортаж об одном из районов столицы США, населенном беднотой. «Почерневшие зубы, изможденные лица, вздувшиеся животы» — так выглядят, по описанию газеты, дети этого района, страдающие от голода. В той же газете приведено письмо одной жительницы Вашингтона, адресованное на имя инспектора столичных школ. В письме, в частности, говорится: «В то время как за границу отправляются излишки продуктов, еще более неправдоподобным и безразличнейшим кажется то, что в столице страны маленькие дети вынуждены по ночам выходить на улицу и рыться в мусорных ящиках в поисках пищи».

И это не преувеличение, не выдумка до-

сужих репортеров или какой-то домашней хозяйки. Подобные же факты приводил редактор Морзе, выступая в конгрессе 29 марта: «В округе Колумбия (административный район, где расположена столица США — О. В.), имеется неизвестное число детей, которые добывают себе пищу в мусорных ящиках... Они ведут жизнь бездомных собак и кошек... Эта проблема достаточно серьезна, если одна домохозяйка заявила сегодня, что, судя по ее наблюдениям, около пятидесяти процентов детей, живущих по соседству с ее домом, нуждаются в пище».

Итак, все это происходит буквально в тени Капитолия и реликты журнала «Америка». Если же посмотреть, как живут дети в других районах страны, то и там можно увидеть подобную же картину. Недавно Национальный комитет по вопросам детского труда издал небольшую брошюру профессора Бакельского университета Сайруса Карракера. В брошюре рассказывается о бесчеловечной эксплуатации 600 тысяч американских детей в сельском хозяйстве.

Ежегодно сотни тысяч сезонных сельскохозяйственных рабочих вместе со своими семьями направляются из Южных штатов в различные районы страны. По словам автора, даже пятилетние дети работают наравне со взрослыми шесть дней в неделю по 10 — 12 часов в сутки, убирая бобы, ячмень, помидоры. При этом они лишены не только отдыха и игр, но даже сносного питания. Заброшенный курятник или старая лачуга служат для них жильем. «Иногда они вынуждены жить в пещерах, — как будто общество задремало осудило их за то, что они родились раньше конюющих сельскохозяйственных рабочих». Недавно конгресс США ассигновал 6,5 миллиона долларов на защиту перелетных птиц, но не дал ни цента на обучение детей конюющих рабочих.

Все это, конечно, проходит мимо внимания журнала «Америка». В зеркальном главном его страниц можно бы тщетно искать правдивое отражение жизни многих и многих американских детей.

О. В.

Праздник братства культур

Праздник братства культур — это событие для нашей страны, — декада проходила в преддверии великого праздника 40-летия Октябрьской революции. Дружба наших культур имеет давние и прочные традиции, хотя на пути развития этой дружбы стояло немало препятствий. До освобождения, а в особенности во время войны, чтение русских книг каралось в Румынии тюрьмой. И все же, несмотря на это, наши люди читали и читали Горького и Маяковского, не говоря уже о Пушкине, Гоголе, Достоевском, Толстом. Еще до войны у нас зачитывались «Чемпионы Галахова». Огромной популярностью в Румынии пользовались музыка Чайковского и театр Станиславского. Ныне наши связи стали прочными, как никогда, они крепнут с каждым годом. К декаде культуры РСФСР в этом году был приурочен выпуск очередных томов собранной Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Чернышевского, Маяковского. Тиражом в 30 тысяч экземпляров вышел «Тихий Дон» Шолохова. Это уже не первое издание этого выдающегося романа. Лучшие румынские пи-

сатели и поэты с любовью переводят произведения русских авторов: Тудор Арзени перевод басня Крылова, Захария Станку — стихи Есенина, Чезар Петреску — прозу Шолохова, Чичероне Теодореску — стихи и поэмы Маяковского и Твардовского.

В дни декады культуры РСФСР во многих театрах разных городов Румынии ставились пьесы советских драматургов — «В добрый час!» В. Розова, «Персональное дело» А. Штейна, «Так и будет» К. Симонова. С огромным успехом всегда идут в наших театрах чеховские «Три сестры» и «Живой труп» Л. Толстого. Румынские зрители тепло встретили гастроль Московского цирка и Омского русского народного хора, советские кинофильмы.

Декада русской культуры — это праздник всей страны: он отмечается во всех городах и селах. Тысячи людей приходят слушать русскую музыку, на вечера и беседы о русской литературе, смотреть русские пьесы. В одном лишь селе Лакул Серат на празднование присутствовало свыше 20 тысяч крестьян. Организованы выставки русского народного искусства и книжные базары.